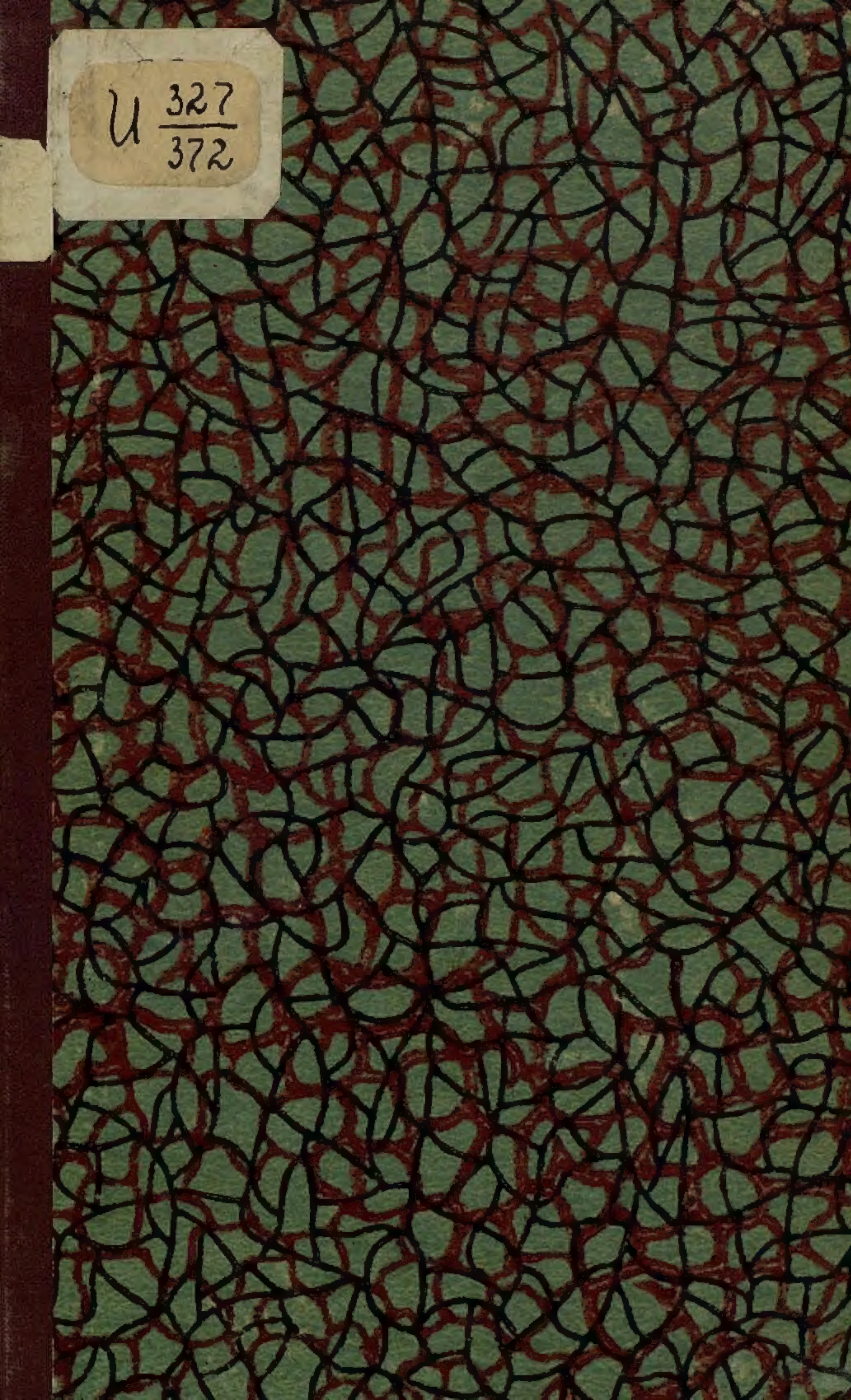

КАРАМЗИНЪ

И ЕГО

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

представленное въ I-е Отдѣленіе Философскаго Факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета

А. Селинымъ

для полученія степени магистра русской словесности.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ типографіи эдуарда праца.
1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію І-го Отдѣленія Философскаго Факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета, 20 Февраля 1847 года.

Деканъ *Н. Устряловъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія нашей Словесности представляетъ двѣ половины, не сообразныя по величинѣ, но рѣзкія въ высшей степени по своему противорѣчію, достигшему апогеи въ сужденіяхъ современниковъ. Одни не даютъ ни какого значенія древней нашей Литературѣ, довольствуясь названіемъ дѣтей Петра, какъ будто все, что готовили для насъ предки, о чемъ мыслили и что чувствовали они, было допущено Провидѣніемъ, какъ необходимое зло; другіе, отвергая все новое, хотятъ выдти изъ порабощенія, мыслями и желаніями стремятся въ древнюю Русь, обѣтованную землю. Подобное несогласіе, странное противорѣчіе древняго съ новымъ, непостижимое безсвязіе и разладъ предыдущаго съ послѣдующимъ могутъ быть объяснены только участіемъ новаго, чуждаго начала. Въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ настоящее можетъ отказываться отъ прошедшаго, которому обязано своимъ существованіемъ? Съ другой стороны, прошедшее не можетъ отвергать своего слѣдствія, не уничтоживъ самого себя. — Обѣ стороны, при всемъ разногласіи, не рѣдко ожесточенномъ, представляютъ важное неудобство, не находя ни какого выхода. Одна хочетъ, во чтобы то ни стало, спасти себя отъ Запада, и не знаетъ на чемъ остановиться, что дѣлать съ цѣлымъ столѣтіемъ, такъ сильно насъ измѣнившимъ; другая, презирая свое прошедшее, знать не хочетъ ни Славянина, ни Русскаго, крѣпко стоитъ за одного человѣка, защищая

воздушный призракъ. Западъ и здѣсь необходимъ; самымъ удовлетворительнымъ образомъ рѣшаетъ онъ это не умолкающее преніе; изъ исторіи его жизни, науки и искусства видимъ, что должно уважать убѣжденіе въ необходимости быть Славяниномъ, Русскимъ, и не быть пустынею на голосъ вопіющаго о человѣкѣ: ибо одно безъ другаго существовать не можетъ. Къ лучшему уразумѣнію этого противорѣчія, а слѣдовательно, къ уничтоженію его, приведетъ насъ историческое изученіе каждой отрасли умственной дѣятельности. Въ настоящее время все вниманіе просвѣщеннаго общества устремлено на раскрытіе памятниковъ древней нашей жизни; въ необъятномъ количествѣ появляются они на свѣтъ и, становясь достояніемъ каждаго, представляютъ богатое поле мысли для уразумѣнія себя въ прошедшемъ. Не менѣе важно въ этомъ случаѣ прослѣдить всѣ явленія новой жизни, особенно въ произведеніяхъ Словесности, которая намъ покажетъ, что мы могли принять отъ другихъ, и почему многое принятое отвергнуто. Ни какое Литературное явленіе новаго періода не можетъ быть объяснено удовлетворительно, если не будетъ рѣшенъ вопросъ объ участіи чуждаго вліянія на нашу Словесность. По этому, въ предлагаемомъ разсужденіи, чтобы поставить себя на ту точку зрѣнія, съ которой Карамзинъ представляется въ истинномъ свѣтѣ, необходимо должно показать, что ему предшествовало на всѣхъ путяхъ дѣятельности. Бѣглый взглядъ на древнюю Литературу, ея состояніе въ XVIII вѣкѣ, причины, объясняющія характеръ ея, т. е. чуждое вліяніе, собственная дѣятельность Карамзина составятъ первый отдѣлъ; въ такомъ же видѣ представлена вторая часть, заключающая Исторію, и наконецъ послѣдняя, объ Языкѣ.

I.

Въ древнемъ періодѣ наша Литература подавала свѣтлыя надежды на будущее; въ началѣ XIII столѣтія мы встрѣчаемъ много памятниковъ, въ которыхъ выражаются основныя черты жизни: Духовное Краснорѣчіе представляетъ превосходные образцы, начиная отъ простаго, разговорнаго изложенія истинъ христіанскихъ, до рѣчей въ высокой степени изящныхъ. Наблюдательный читатель безъ труда открываетъ въ нихъ общее стремленіе постигнуть духъ высшаго ученія, объяснить глубокій смыслъ его и примѣнить къ современнымъ вопросамъ жизни. Историческія сказанія широкимъ потокомъ расходятся по всѣмъ предѣламъ Руси: Лѣтописи, описанія путешествій и легенды отличаются религіознымъ направленіемъ. Не одинъ отшельническій взглядъ останавливаетъ на себѣ наше вниманіе; мы знакомимся съ воззрѣніемъ другихъ представителей: нравственно-религіозный и практическій взглядъ на жизнь ярко выразился въ завѣщаніи мудраго Князя; всѣ его требованія — истины вынесенныя изъ жизни, оправданныя дѣйствительностію; въ небольшихъ отрывкахъ и пословицахъ не льзя не замѣтить игры остраго и живаго ума, наклонности сатирической; поэтическое изображеніе народнаго духа и событій находимъ въ драгоцѣнной Лирической Поэмѣ. Въ народѣ развивается лирическая стихія; на зарѣ своей жизни онъ отзывается пѣснію; имѣя основаніе свое въ глубинѣ духа, природѣ его, она не могла быть позднѣйшимъ явленіемъ, безъ сомнѣнія существовала въ незапамятное время. Все это обѣщало полнѣйшее развитіе, на пути котораго, такъ счастливо начатаго, насъ поражаетъ неслыханное бѣдствіе. Съ этого времени Литература наша становится

исключительно религіозной, иногда занимается болѣе буквою, нежели смысломъ; въ рѣчахъ, посланіяхъ, движеніи аскетическаго духа до отдаленнѣйшихъ и пустынныхъ мѣстъ, не льзя не замѣтить упорной борьбы внутренней силы съ несчастіями, существованіе которыхъ почти не вѣроятно. Татары—главная, дальнѣйшія бѣдствія — вторая причина стихійнаго характера нашей Словесности до XVIII вѣка. Россія, разсматриваемая съ нравственной стороны, предоставлена самой себѣ, отличается исключительностію, однообразіемъ, выходитъ изъ сосредоточеннаго состоянія единственно на защиту и борьбу, и то съ внѣшними непріязненными силами, не вступая въ умственное соприкосновеніе, хотя часто изъявляла на это искреннее желаніе. Этотъ характеръ исключительности и однообразія остался въ письменныхъ памятникахъ; что Россія представляла въ началѣ XIII в., къ тому почти ничего не прибавилось въ новомъ родѣ. Между тѣмъ, прошло менѣе ста лѣтъ, какъ у насъ является множество произведеній во всѣхъ возможныхъ родахъ и видахъ. Чѣмъ же объясняется такая очевидная несообразность?

Періодъ образовательный, утварь зданія, начинается съ Петра Великаго, свѣтила, благотворные лучи котораго проникли въ сокровенныя нѣдра государства, произвели болѣзненное потрясеніе и пробудили въ немъ зиждительныя силы: на новой Россіи лежитъ печать его генія. Онъ расширилъ тотъ тѣсный кругъ, въ которомъ заключалось наше отечество; занимая средину великихъ крайностей, Россія, подвигнутая мыслію Петра, выходитъ изъ своего уединеннаго, замкнутаго состоянія, видимо наклоняется къ западу и вступаетъ въ непрерывное прикосновеніе съ образованными странами. Для объясненія новыхъ явленій нашей Словесности, должно обратиться къ Европѣ, примыкающей въ это время къ золотому вѣку Людовика XIV. На горизонтѣ Италіи, Испаніи и Англіи, озаренномъ величественнымъ свѣтомъ искусства, ярко горятъ великія свѣтила, затмѣвающія собою Францію и всю остальную Европу; творческія силы ихъ находятся въ высочайшемъ напряженіи; имъ будетъ нуженъ продолжительный покой, и въ концѣ XVII вѣка, взоры Европы съ изумленіемъ обращаются на Францію. Писателей Италіи порицаютъ уже за безвкусіе и холодность; они заклеймены укоризненнымъ названіемъ Seicentisti, и послѣ несутъ на себѣ вліяніе Французскаго вкуса. Англія почувствовала

тоже влеченіе, хотя геній Шекспира, въ слѣдующемъ столѣтіи, силою своего могущества увлекаетъ Французовъ противъ ихъ воли. Германія не представляла ничего особеннаго въ области искусства. — Буало углубился въ древность, жадно изучаетъ Аристотеля; невѣрно толкуя своего учителя, онъ однако пишетъ теорію поэзіи, и Франція становится законодательницею вкуса. Корнель и Расинъ читаютъ изящныя созданія Греціи и Рима, невольно поражаются мужественною красотою героевъ древности, высотою котурна, совершенствомъ художественной оконченности. Но плѣнясь ими, они поступили неосторожно и самовольно; сгладили ихъ величавыя черты, обратили въ героевъ Европейскихъ, облекли въ романтическую одежду и едва не сравняли съ представителями утонченнаго двора Люловика XIV. Съ другой стороны, они ошиблись только въ томъ, что исказили чуждую имъ народность, но глубоко понимали человѣческую природу, щедро были одарены творческими силами. Одинъ остался вѣрнымъ и неукоризненнымъ, глубокій наблюдатель развращенныхъ нравовъ своего времени, общественной жизни всѣхъ классовъ народа, особенно низшаго, образовавшій свой геній изученіемъ Плавта, Теренція и комиковъ Италіянскихъ. Это — Мольеръ, писатель въ высшей степени народный. — Позднѣе, въ XVIII в., этотъ произволъ достигъ до крайности. Принявъ мѣриломъ совершенства современныя идеи и нравы, они считали высшею необходимостію покорить все господствовавшему вкусу и направленію, наложили этотъ законъ на всѣ произведенія человѣческаго духа, не признавая ничего прекраснымъ, что было внѣ этихъ условій, называя все чуждое варварскимъ и дикимъ. Оттого всѣ герои напоминаютъ древность по одному названію, въ сущности они Французы. Тотъ же самый произволъ господствовалъ на сценѣ: снявши съ Бахуса львиную кожу, они облекли въ нее Татаръ и Скиѳовъ, являвшихся иногда полутиграми; Ахиллесъ выступаетъ на сцену съ каскою на головѣ, съ напудренными волосами и въ платьѣ маркиза; Клитемнестра наряжается въ фижмы, Августъ является во фракѣ темнокраснаго цвѣта; царственныя женщины Римскія, Французскія и Польскія, не смотря на различіе времени и народа, являлись на сценѣ въ одинаковой одеждѣ, въ платьяхъ обшитыхъ галунами, и долманѣ, мантіи пурпуровой, синей или зеленой. Прическа на головѣ представляла видъ зданія. Такъ

являлись на сцену Медея, Корнелія, Меропа и Клеопатра; спустя долгое время, Вестрисъ, представляя Федру, выходитъ во французской прическѣ и алмазахъ.

Живое, энергическое участіе въ современныхъ событіяхъ, сочувствіе къ требованіямъ общества, даръ предугадывать важные вопросы времени, неумѣренное желаніе скорѣе рѣшить ихъ, вотъ черты, отличающія Францію отъ всѣхъ народовъ. Оттого Словесность Французская была всегда самою вѣрною картиною общественнаго состоянія; послѣднее подвергалось частымъ перемѣнамъ, и потому трудно встрѣтить въ литературѣ другаго народа противоположности, взаимно смѣнявшіяся во Франціи. Людовикъ XIV превосходно высказалъ характеръ своего времени въ извѣстномъ выраженіи : l'état c'est moi; государь того же имени XVI не могъ этого сказать; онъ далъ бы половину царства за то, чтобы l'état не узнало его. Проповѣдники поставляютъ истинное совершенство человѣка въ безотчетномъ и слѣпомъ повиновеніи религіи и долгу; писатели XVIII вѣка, вмѣсто покорности религіозной, проповѣдуютъ философію скептическую, отразившуюся въ неосновательномъ и разрушительномъ ученіи энциклопедистовъ (*). Поэты XVII в. изучали классическую Словесность, невольно придали древнимъ героямъ свои, чуждыя свойства; въ слѣдующемъ столѣтіи уже не столько заботились о древности. Вольтера превозносятъ за довершеніе идеаловъ Греціи; во мнѣніи Франціи онъ неизмѣримо выше Софокла; ибо послѣдній слишкомъ простъ, часто грубъ. Плохо истолковавъ величавую простоту древняго идеала, XVIII вѣкъ подражалъ ему въ образцахъ XVII, слѣдовательно уже отпадшихъ; тогда герой античный, ни сколько себя не стѣсняя, могъ явиться посреди гостиной. Этотъ исключительный, односторонній взглядъ поставилъ ихъ въ самый ограниченный кругъ понятій объ искусствѣ; истинной природы послѣдняго они не постигли; вотъ почему властитель общественнаго мнѣнія, Вольтеръ, называетъ великихъ Испанскихъ драматиковъ сумасшедшими, и нещадно бранитъ себя за то, что первый началъ говорить съ удивленіемъ о грубѣйшемъ мужикѣ, Шекспирѣ. Тогда же представители теоріи даютъ строгое заклятье не изображать картинъ низкихъ и, нельзя не замѣтить поразительнаго противо-

(*) Villemain, l'histoire de la litt. du XVIII° siècle.

рѣчія, въ настоящее время, онѣ на первомъ мѣстѣ. Прежде они совлекли дѣвственную музу съ священной горы, восхищались навязанными ей странными, утонченными пріемами, которые искажали ее; а теперь, снявши съ нея дѣвственный поясъ, влачатъ ее по всѣмъ буйнымъ скопищамъ, и поруганная богиня часто сидитъ за пьянымъ пиромъ, среди нечестивой толпы. — Двигателемъ и душею литературы было общество; въ немъ царствовало остроуміе и игривость, свойства, которыми блисталъ Вольтеръ; на Олимпъ должно было проходить чрезъ гостиную; безъ этой жертвы трудно было вступить на путь славы. Вотъ что господствовало въ Литературѣ Французской XVII и XVIII в., а это было почти тоже, что въ Европѣ. Сколько чуждаго, несообразнаго съ нашимъ духомъ должно было войти въ отечественное образованіе! Стоя на порогѣ новаго міра, открытаго Петромъ Великимъ, что мы могли принять, кромѣ формъ и образцовъ, передъ которыми еще дымился ѳиміамъ удивленія?

Въ началѣ XVIII в., остается неприкосновеннымъ и самобытнымъ Духовное Краснорѣчіе; оно не измѣнило своего существеннаго характера, постоянно имѣло предметомъ направленіе человѣческой воли къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ, развитіе божественнаго начала въ нашей природѣ, образованіе духовнаго человѣка. Съ другой стороны, въ немъ выразились весьма замѣтно явленія новой жизни, гражданской. Петръ былъ окруженъ тремя лицами, имъ же вызванными на поле дѣятельности, и въ разной степени ему содѣйствовавшими: вотъ основаніе краснорѣчія политическаго. Не должно терять изъ вида и того, что непросвѣщенный народъ, враждебный духу Петра, слышалъ въ храмѣ слова, исполненныя восторженныхъ о немъ похвалъ: въ этомъ значеніи должно понимать согласіе проповѣдниковъ съ Государемъ. Всѣ они вращаются около царственнаго генія, слѣдуютъ за всѣми творческими замыслами; дѣла его — тайна ихъ одушевленія. Болѣе всѣхъ сочувствуетъ Преобразователю *Ѳеофанъ;* рѣзко отличается онъ обширнымъ умомъ, силою мысли; онъ необходимъ для историка; рѣчи его, кромѣ ораторскаго достоинства, представляютъ глубокое, основательное обозрѣніе возраста государства. За нимъ слѣдуетъ *Яворскій*, не имѣющій всесторонняго и обширнаго ума Ѳеофана, уступающій ему въ силѣ и полнотѣ мыслей; въ замѣнъ этого, въ немъ господствуютъ сила воображенія, хотя онъ не мо-

жетъ иногда совладѣть съ картиною, не выдерживаетъ характера до такой степени, что къ его рѣчамъ весьма идетъ извѣстное изрѣченіе: отъ величественнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ. *Бужинскій* отличается спокойнымъ движеніемъ чувства. Всѣ они заимствуютъ сравненія и подобія изъ природы человѣческой жизни, изъ всѣхъ почти наукъ, даже изъ миѳологіи. Мимо этихъ достоинствъ, весьма замѣтна Латинская ученость, изуродованная схоластикой, и ораторы говорятъ иногда чрезвычайно странно. Въ это же время началъ дѣйствовать трудолюбивый ученый, едва ли заслуженно обреченный на посмѣяніе поколѣній, *Тредьяковскій*. — Онъ первый мыслилъ о чистотѣ Русскаго языка, почиталъ необходимымъ переводить лучшихъ писателей, жаловался на недостатокъ хорошей Граматики, Лексикона, Реторики и науки Стихотворной; чрезвычайно вѣрно угадалъ духъ Русскаго метра, и обнаружилъ весьма правильныя понятія въ сочиненіи своемъ: Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще (*). Къ несчастію, этотъ человѣкъ, рѣдкій по учености и образованію, самъ себя поражаетъ собственнымъ оружіемъ; не имѣя ни сколько эстетическаго вкуса, онъ оставилъ горькій примѣръ заблужденія въ своемъ призваніи: вотъ отъ чего ученость его не произвела ни какого плода. Онъ заслонилъ совершеннымъ безобразіемъ все, что въ немъ было хорошаго, и никто уже не хотѣлъ подозрѣвать истинныхъ заслугъ его, издѣвались надъ тѣмъ, что дѣйствительно было смѣшно и безобразно.

(*) Стихъ я уподобляю краскѣ, употребленной на живопись; что изображено краскою весьма есть различно отъ нея; равно и поэзія всеконечно есть не стихъ: сей есть краска, а поэзія какъ изображенное ею. Много есть мнѣній о первоначальной поэзіи, а о началѣ стиха почти нѣтъ ни единаго Поэзію называютъ стихотвореніемъ, хотя прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобы стихи составлять, но чтобы *творить*, *вымышлять* и *подражать*. Твореніе есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымышленіе есть изобрѣтеніе возможностей, т. е. не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ или долженствуютъ; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдѣ. Всякъ видитъ, что стихъ есть все не то: твореніе, вымышленіе и подражаніе есть душа и жизнь поэмы, но стихъ есть языкъ оной Поэзія есть внутреннее въ тѣхъ трехъ, а стихъ токмо наружное. Можно творить вымышлять и подражать прозою, и можно представлять истинныя дѣйствія стихами.

Была одна сторона въ жизни нашего народа, ярко себя обозначившая при столкновеніи съ Европою, необходимая встрѣча и борьба просвѣщенія съ невѣжествомъ. — Ее превосходно постигъ *Кантемиръ*, и не могъ не видѣть особенно потому, что былъ тонкій наблюдатель отъ природы, и былъ хорошо знакомъ съ нравами и жизнію Европейскихъ народовъ. Съ призваніемъ истинно поэтическимъ онъ соединилъ многостороннее образованіе и показалъ свою художественную свободу: не подражалъ рабски геніальнымъ писателямъ, но изучалъ ихъ, и если заимствовалъ отъ нихъ многое, за то не терялъ своей личности. Въ произведеніяхъ Кантемира замѣчательно столкновеніе степеннаго ума, требовательной мысли съ закоснѣлымъ невѣжествомъ, которое онъ безъ пощады бичуетъ, и такъ живописно изображаетъ. Кантемиръ замѣчателенъ и потому, что весьма ясно, въ противоположность Тредьяковскому, сознавалъ свое призваніе, выражался о себѣ такъ, какъ выразился бы лучшій и безпристрастный критикъ. Онъ отказывается отъ другихъ своихъ произведеній, говоритъ, что онъ рожденъ пятнать злые нравы и обычаи. Ѳеофанъ Прокоповичь называетъ его трикраты блаженнымъ и разрушителемъ злонравныхъ обычаевъ. Въ немъ впервые является Европейскій человѣкъ, и зародышъ самобытнаго направленія. Всю первую половину этого столѣтія вѣнчаетъ собою мужъ великій, призванный совершить преобразованіе и положить начало новымъ явленіямъ, *Ломоносовъ*. — Онъ дѣйствуетъ на всѣхъ путяхъ образованія: увлекаетъ даромъ слова, смѣлою рукою ударяетъ по струнамъ лиры, становится историкомъ, филологомъ и глубокимъ испытателемъ природы. Увидѣвши кругомъ себя пустыню, этотъ всеобъемлющій умъ, усиленный разнообразными свѣдѣніями, со всей энергіей воли началъ сѣять всюду, устремился на всѣ стороны, брался за все, и во всемъ былъ выше всѣхъ; ибо никого не сознавалъ совершеннѣйшимъ себя. Предъявляя такія великія требованія, выступая съ рѣшимостію осуществить ихъ, онъ представляетъ собою истинное подобіе Петра. Подобно великому генію, своему предшественнику, онъ разорвалъ тѣсные предѣлы и открылъ входъ народному уму въ храмъ наукъ и искусства. Каждая дѣятельность Ломоносова, разсматриваемая съ такой точки, заслуживаетъ глубокое уваженіе потомства. Слѣдуя за нимъ на всѣхъ путяхъ, не трудно опредѣлить, въ чемъ состояло его при-

званіе: творческая сила ума обнаружилась въ наукахъ естественныхъ, видна геніальность въ собственныхъ началахъ, въ праведномъ состязаніи съ великими Европейскими учеными; видимо возвышаясь надъ всѣми соотечественниками, онъ былъ выше многихъ иностранныхъ современниковъ. Ломоносовъ — глубокомысленный теоретикъ, всюду является одушевленнымъ ораторомъ; рѣчь его раздается въ ширину, исполнена благозвучія.— Послѣднею способностію онъ поразилъ Ф. Визина, встрѣтившись съ нимъ въ первый разъ у Шувалова. Но смѣемъ утверждать, что въ Литературѣ въ немъ не было генія творческаго; эта сила посягала на открытія, но не обнаружила производительности въ искусствѣ. Оттого всѣ произведенія поэтическія можно назвать покушеніемъ, не оскорбляющимъ изящнаго чувства, но не вѣчнымъ, не образцовымъ. Изъ силъ эстетическихъ онъ обладаетъ вкусомъ, удивительно правильнымъ; открылъ новый свѣтъ, музыку народнаго стиха; довольно одного взгляда на то время, чтобы объяснить себѣ неописанное дѣйствіе первой его оды, на соотечественниковъ: она явилась только черезъ пять лѣтъ послѣ чудовищнаго созданія Тредьяковскаго: На здачу города Гданска (1734). Вотъ причина того очарованія, въ которое онъ погрузилъ современниковъ; думаемъ, что Петріада, особенно трагедіи его, едва ли имѣли вліяніе на подражателей; приписываемъ его исключительно одамъ; потому что поэма его явилась гораздо позже (1760) и не нашла ни одного подражателя, а трагедіи за годъ до смерти (1764), когда Сумароковъ породилъ ихъ цѣлое семейство, и былъ уже директоромъ театра (1756), еще до существованія трагедіи Ломоносова. Самъ онъ, прежде личный врагъ, шелъ за его гробомъ, великодушно оставилъ враждебное чувство и признавалъ его Пиндаромъ нашихъ странъ. Ломоносовъ есть представитель ума, знанія и образованія всей половины XVIII столѣтія; онъ Европейскій ученый, всецѣло сохранившій въ себѣ народную личность; въ немъ выразилась сила Русскаго духа, и неизвѣстно чья вина, что послѣдователи его пошли совсѣмъ не по той дорогѣ, по которой должно было идти. Какъ Орфей, онъ увлекъ ихъ музыкальнымъ стихомъ; никто не подумалъ о содержаніи его одъ; за этой музыкой они зашли туда, гдѣ былъ самъ ихъ учитель, частію по необходимости, частію по непризванію.

И такъ ученики Ломоносова, очарованные благозвучіемъ и

силою его стиховъ, приняли за образецъ оды и безусловно послѣдовали его пріемамъ, не отдавъ себѣ ни какого отчета. Достоинствъ Ломоносова они не имѣли, исказили все, что въ немъ было хорошаго, расплодили единственно ошибки. Онъ былъ совершенный художникъ въ искусствѣ соединять слова Священнаго языка съ Русскими, умѣлъ влить въ нихъ музыкальность и силу, какъ замѣчено выше; недостатокъ состоялъ въ обильномъ количествѣ общихъ мѣстъ; торжественныя оды его — похвальная рѣчь въ стихахъ; поставишь его рядомъ съ Державинымъ, и невольно спрашиваешь, куда дѣвалась эта личность, съ такою рѣзкою опредѣленностію выставляющаяся во всѣхъ другихъ случаяхъ. *Петровъ* стоитъ въ совершенной противоположности по своему несчастному языку, весьма неправильному и столько же неблагозвучному; *Костровъ* весь наполненъ общими мѣстами, употребилъ притомъ во зло свободу своего учителя; не имѣя искусства образовать такой же языкъ, онъ началъ безъ разбора составлять выраженія изъ обоихъ нарѣчій, потерялъ простоту и впалъ въ нестерпимую высокопарность, которая особенно возмутительна въ переводѣ Гомера, иногда примиряетъ въ Оссіанѣ. Совершенно другое направленіе встрѣчаемъ въ поэзіи *Боброва*, напитаннаго чтеніемъ Англійскихъ писателей; онъ переводилъ изъ Попе, Драйдена, сочинялъ и торжественныя оды; но господствующая страсть его состояла въ стремленіи изображать природу въ ея независимости; для поясненія укажемъ на цѣлую поэму его, Херсониду, или картину лучшаго лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ. Въ поэзіи Боброва природа существуетъ, какъ выражаются Нѣмцы, für sich.

Рядомъ съ Ломоносовымъ является безусловное подражаніе, которое къ несчастію распространяется быстро, и приноситъ тощіе, горькіе плоды. Когда Ломоносову было семь лѣтъ, родился *Сумароковъ*, употребившій весь свой талантъ на созданіе бездушныхъ идоловъ, принесшій ихъ въ жертву боготворимому классицизму. Въ немъ обнаружилось болѣзненное начало подражанія въ огромномъ размѣрѣ и было усилено хвалою ложнаго вкуса. Важная ошибка этого дарованія состояла въ безусловномъ боготвореніи Корнеля, Расина и Вольтера, въ совершенномъ отрицаніи своей личности; вторая лежала въ обществѣ, которое ставило его на ряду съ лучшими Французскими траги-

ками, почитало совершенствомъ, уполномоченное безъ сомнѣнія диктаторскимъ приговоромъ Фернейскаго пустынника. Весьма любопытно знать, какъ судили о немъ современники; образованный писатель того времени, Новиковъ, говоритъ въ своемъ Словарѣ, что Сумароковъ заслужилъ названіе Сѣвернаго Расина: «его эклоги равняются знающими людьми съ Виргиліевыми, и поднесь остались неподражаемыми; а притчи почитаются сокровищемъ Россійскаго Парнасса; и въ семъ родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ Федра и де ла Фонтена.»

Единственное слѣдствіе, само собою выходящее отсюда, всеобщее искаженіе вкуса, которое было тѣмъ болѣе опасно, что послѣдній не установился. Чрезвычайно занимательно сравнить заимствованныя произведенія наши съ Французскими: ничѣмъ не льзя искупить безчисленныя ошибки, которыми обременены первыя. Тамъ все, достоинства и самые недостатки имѣютъ свое разумное основаніе, проистекаютъ изъ общественнаго духа, изъ господствующихъ мыслей вѣка. Поставивъ передъ собою древній міръ, оставивши за его героями Греческія и Римскія названія, Французскіе поэты не могли отдѣлиться отъ современныхъ понятій, или вовсе не хотѣли, въ сознаніи своего превосходства передъ другими народами. Наши трагики, выступая рабски по ихъ слѣдамъ, должны были поступить совершенно наоборотъ. Чуждое, заимствованное содержаніе изъ древняго міра, у Французовъ потеряло природное значеніе; они сообщили ему свое, и соотечественники могли сочувствовать этимъ лицамъ; мы, страшась потерять изъ вида и путь великихъ учителей и образцы ихъ, тоже пошли въ древній міръ, только въ свой собственный; взяли изъ отдаленнѣйшей старины историческія лица, жившія въ темныхъ преданіяхъ, и начали съ ними обращаться самымъ насильственнымъ образомъ, исказили ихъ съ головы до ногъ, наполнили голову и сердце какимъ-то вздоромъ, смѣло вышли съ ними на сцену, и зрители встрѣтили ихъ съ громкими рукоплесканіями. Какъ оскорбляется цѣнитель изящнаго, при видѣ Кія, Хорева, Синава, Трувора, возставшихъ изъ мрака вѣковъ, выведенныхъ на показъ XVIII столѣтію въ уродливой мозаикѣ: призракъ Греческаго духа, рыцарское великодушіе, утонченное чувство Французскаго придворнаго, пышная декламація на Русскомъ языкѣ, который налаживается на площадной разговоръ, сбиваясь по временамъ на Старославянское на-

рѣчіе! Лица первыхъ исполнены содержанія, характера; въ нихъ есть психологическая истина и эстетическая; полны страсти, восходящей до паѳоса; смѣшное въ нихъ доступно одному знатоку: обращаясь къ нашимъ, видишь, что со всѣхъ сторонъ никуда не годятся: это безжизненныя, блѣдныя тѣни, пугающія живую природу. Все неестественное, уродливое осталось съ ними; ибо они не были порожденіемъ животворной силы генія, а плодомъ безполезнаго усилія произвести нѣчто подобное, похожее. Трудно вообразить, чтобы можно было восхищаться одухотворенною машиною; еще труднѣе рѣшить, чѣмъ любовалось общество, этими ли трагическими лицами, или тѣми характерами, на которые они походили, по крайней мѣрѣ съ вида. Когда мы бросимъ взглядъ на блестящій дворъ Людовика XIV, при которомъ господствовалъ утонченный вкусъ, все поставлено было въ приличныя границы; когда вспомнимъ, что это былъ вѣкъ славы, величія, торжествующей Монархіи, тогда намъ весьма понятна восторженная декламація, особенный характеръ рѣчи, которая въ устахъ Расина возбуждала чистѣйшій восторгъ зрителей. Стало, такой языкъ былъ выраженіемъ особеннаго явленія, которое не можетъ быть постояннымъ, не менѣе того, остается прекраснымъ. Какую же сторону души, какую господствующую черту характера выражаетъ напыщенный и безобразный языкъ Сумарокова? Несчастное желанье писателя вложить въ уста лицъ языкъ идеальный, возвышенный, въ чемъ не было необходимости, на что не было возможности, и лица по-неволѣ становятся на ходули.

Подражательная дорога, проложенная Сумароковымъ, покрылась странниками, изъ которыхъ *Княжнинъ* былъ ревностнымъ продолжателемъ ложнаго направленія. Наслѣдовавъ тоже благоговѣніе къ Французамъ, онъ не только старался походить на нихъ, но часто тѣ же самыя выраженія, цѣлыя мѣста, самые характеры передавалъ на Русскомъ языкѣ: Росславъ, Владисанъ, Владиміръ и Ярополкъ, всѣ почти — обличители своего творца въ незаконномъ присвоеніи чужой собственности. Сумароковъ только по языку ниже его, но по крайней мѣрѣ самъ создавалъ подражая и постигалъ, въ чемъ состоитъ трагическое.

Не въ однихъ одахъ, не въ одномъ драматическомъ родѣ испытывали свои силы наши писатели. Почти каждый изъ нихъ хочетъ быть разнообразнымъ талантомъ, выразить творческое

дарованіе во всѣхъ родахъ и видахъ; но прекрасными остались тѣ, которые порождены призваніемъ, и выражаютъ свой характеръ; все прочее извѣстно по вредному временному вліянію, иногда по названію, и то не всѣмъ, занимая заднее мѣсто въ Исторіи Литературы. На этомъ же пути встрѣчаемъ еще замѣчательное лице, сильно увлекавшее современниковъ, *Хераскова*. Онъ замыслилъ, не въ примѣръ Ломоносову, написать народную эпопею, и посвятилъ восемь лѣтъ на созданіе Россіады. Открыто сознаваясь въ томъ, что мы до сихъ поръ не имѣемъ своей эпической поэмы, онъ искалъ достойнаго для нея содержанія, и нашелъ его въ покореніи Казани. Протекая мыслію времена прошедшія, онъ исчисляетъ поэмы другихъ народовъ: Иліаду, Потерянный Рай, Генріаду, Освобожденный Іерусалимъ, Лузіаду и Фарсалиду, и еще болѣе убѣждается въ необходимости имѣть собственную эпопею. Вотъ происхожденіе Россіады, въ которую вошли и Гомеръ и Тассъ, и чудеса Нигрина, приводящаго зиму силою чародѣйства. Остановившись передъ великими созданіями на порогѣ своего эпическаго міра, онъ неизбѣжно долженъ подвергнуться ихъ вліянію, потому что геніальные поэты, принятые имъ за образецъ, сами не могли освободиться отъ владычества Греческой фантазіи. Эпопея Гомера—созданіе въ высшей степени художественное, но столько же свободное и безыскуственное; въ немъ мы видимъ живописное изображеніе древняго міра во всей полнотѣ, во дни величайшаго торжества; на этомъ пиру жизни человѣкъ обнаружилъ до наготы все неистощимое богатство духовныхъ и тѣлесныхъ совершенствъ. Греки торжествуютъ конецъ десятилѣтней брани; народныя чувства, религіозныя вѣрованія, преданія о герояхъ древности, еще свѣжія въ памяти *живыхъ* потомковъ, правнуковъ; святочтимые миѳы, все, отъ амброзическихъ власъ тучегонителя Зевеса, до безлепетнаго младенца, припавшаго къ благоухающимъ персямъ Андромахи, всѣ эти сокровища человѣческаго духа торжественно выступили наружу изъ тайной глубины его.

Какъ же изобразитъ вдохновенный природою художникъ этотъ необъятный міръ, для Грековъ обнимавшій все человѣчество? Аристотель называетъ Гомера божественнымъ за то, что онъ нашелъ средоточіе этого міра, подобное центру круга, который, какъ бы ни вращался, не ускользаетъ ни на минуту отъ взора зрителя: Ахиллесъ, оскорбленный Агамемнономъ,

покинулъ Грековъ; но пораженный смертію друга, примирятся съ нимъ, убиваетъ Гектора, и священная Троя обречена на гибель: событія цѣлаго десятилѣтія совершаются передъ нами въ нѣсколько дней, примыкая къ главному узлу, какъ къ сердцу организма. Далѣе, въ этой эпопеѣ дѣйствуютъ боги, ревностные посредники въ дѣлахъ человѣческихъ; чудеса ихъ не похищеніе поэта, но живая исповѣдь народной вѣры. Убѣжденіе въ существованіи таинственной силы, священное вѣрованіе въ присутствіе небожителей, тѣмъ болѣе поражало душу, чѣмъ осязательнѣе, тѣлеснѣе, чѣмъ ближе къ человѣку оно изображалось въ Поэзіи. Виргилій подражалъ Гомеру, но взялъ свой предметъ изъ тѣхъ же временъ, живетъ въ томъ же мірѣ вѣрованій: точкою исхода служитъ гнѣвъ божества, умилостивленіе — конецъ его. Другихъ спасетъ творческая сила, и здѣсь не льзя не удивляться колоссальному изъ геніевъ, которому ни одинъ изъ поэтовъ подражать не рѣшился. Онъ вѣнцаетъ отъ всѣхъ вѣрующихъ, которые, углубляясь въ таинство распятія Сына Человѣческаго, не могли обнять душею этой божественной любви, ибо читали въ глубинѣ сердецъ своихъ грѣховную неправоту, и потому съ ужасомъ чаяли воскресенія мертвыхъ и сошествія на землю Грознаго Судіи. И такъ душею Божественной Комедіи была та же идея, которая носилась въ сумракѣ среднихъ вѣковъ; въ ней изображенъ духовный міръ, своею неизмѣримостію ужасающій самое дерзновенное воображеніе, — и послѣдніе звуки ея служили утѣшительнымъ отвѣтомъ устрашенному человѣчеству. Жизнь за предѣлами гроба, страшной пустоты которой боялась языческая фантазія, пашла свою пору, раскрыла всю свою безпредѣльность; люди встрѣтили ее не съ одною боязнію, съ робкой надеждой обращали къ ней взоры, и радостно встрѣтили безсмертіе, мерцавшее въ отдаленнѣйшемъ мракѣ будущаго. Мгновеніе торжественное, не коснуться его значило потерять цѣлый міръ, и Дантъ обнялъ его всею силою своего генія. Царство будущее отнынѣ міръ его фантазіи; грѣхи, покаяніе и доблести населятъ адъ, который онъ откроетъ въ нѣдрахъ земли, чистилище за другою поверхностію нашей планеты, и рай въ сферахъ небесныхъ. Узелъ его — велѣнья небожителя, земнаго его друга, Беатриче, которая у вратъ рая разлучаетъ его съ языческимъ спутникомъ, и силою любви приводитъ своего обожателя къ подножію Всевышняго.

Религіозное стремленіе вѣка достигло своей апогеи, насытилось и успокоилось въ ясновидѣніи самаго Бога; человѣческая личность изчезла въ безднахъ божественныхъ совершенствъ:

All'alta fantasia qui manco possa,
Ma già volgeva il mio desiro, e l'velle,
Si come ruota ch'è egualmente è mossa
L'amor che muove 'l sole e l'altre stelle.

Тутъ все чудо для насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высочайшая истина. Дантъ независимѣе всѣхъ послѣдователей Гомера; притомъ онъ умѣлъ совладѣть и съ богами его, преобразилъ ихъ въ адскія силы; они служатъ первому возмутителю небеснаго чина. Тассъ въ этомъ отношеніи неизмѣримо уступчивѣе, далеко назади въ независимости и свободѣ. Кто этотъ Ангелъ, посланный къ Готфриду, вождю крестоносцевъ? По всей вѣроятности, это — οὖλος ὄνειρος, гибельное сновидѣніе, посланное Зевесомъ къ Агамемнону, и преображеное Христіанскою фантазіею; оно же, черезъ Тассову поэму, явилось у нашего Хераскова въ лицѣ Князя Александра, представшаго во снѣ передъ Іоанномъ Грознымъ. Чудесное у Тасса держится еще какъ-нибудь; у Камоэнса падаетъ иногда совершенно. Португальскіе герои пускаются въ океанъ съ цѣлію водрузить крестъ на мѣстѣ кумирослуженія; а боги Олимпа, созванные во имя властителя громовъ племянникомъ стараго Атланта, попираютъ стопами свѣтлый кристаллъ небесъ, шествуютъ по млечному пути, и вступаютъ въ сильную распрю, когда Юпитеръ объявилъ торжество Христіанской Вѣры, опредѣленное судьбою. Это путешествіе боговъ отразилось у Хераскова въ подобной картинѣ:

На землю Ангелы въ кристальну дверь смотря,
Составили изъ лиръ небесну гармонію
И пѣли благодать, вѣнчающу Россію.

Еще лучше объясняется чудо, совершающееся съ Сумбекой въ мрачномъ лѣсу, и странная борьба Хоругви, поднятой по повелѣнію Царя, съ удаляющеюся зимою и стужею, наведенною чарами Нигрина.

Въ произведеніяхъ духа, дѣйствующаго инстинктивно, неумышленно, безъ всякаго сознанія законовъ собственнаго творчества, не искушаемаго наконецъ образцами, господствующая

мысль высказывается въ самомъ началѣ; вотъ почему восхищаетъ насъ невыразимая прелесть самороднаго воззванія Гомеровыхъ поэмъ:

Μῆνιν ἄειδε θεά; Ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα.

Виргилій поступилъ уже не съ такою свободою; но Дантъ и здѣсь остался независимъ; его вступленіе столько же божественно, сколько прелестно Гомерово; прочіе поэты, а за ними и нашъ подражатель, всѣ почти начали съ завѣтнаго: Пою.

Древняя наша лирическая поэма, Слово о походѣ Игоря, неизмѣримо ниже стоящая эпопей Европейскихъ въ разсужденіи художества, изящества обработки, стоитъ выше ихъ по природѣ вдохновенія и самобытности характера. Въ ней есть и чудесное, но оно не вооружаетъ противъ себя; это чудо просто и естественно, какъ всякое искреннее вѣрованіе младенческой души. Затмившееся солнце, грозный стонъ безвременной ночи, вой звѣрей и галичій говоръ, вся возмущенная природа, возставшая на Русскую дружину, образуютъ истинно прекрасную картину, столь же правильную исторически, сколько нелѣпа въ Лузіадѣ распря Бахуса и Венеры за Христіанскую Религію. Въ самомъ воззваніи, кромѣ характеристической прелести, мы видимъ поразительное единство человѣческаго духа, если сравнимъ съ поэмами Гомера. Въ одномъ только случаѣ, разумѣется, весьма важномъ, она далеко уступаетъ другимъ поэмамъ. Въ ней встрѣтишь граціозныя и дикія красы, поразительные образы; но они слишкомъ мгновенны, хочешь на нихъ остановиться, и они уже исчезли.

Рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыть четыре солнца: а съ нихъ трепещутъ синіи молніи! Что же бы сдѣлалъ изъ этихъ очерковъ, правда яркихъ, огненныхъ, Тассъ, или другой художникъ? Въ какой неистощимой полнотѣ онъ возсоздаетъ картины природы, созерцаемыя и изображаемыя героями поэмы. Вспомнимъ одного изъ нихъ, среди звѣздной ночи благоговѣйно созерцающаго божественное зданіе міра:

Quinci notturne e quindi mattutine
Bellezze incorrutibile e divine.

Такъ идетъ цѣлый рядъ писателей, взоры которыхъ устремлены преимущественно на Парнассъ Франціи; они невольно от-

казались отъ себя, предали собственную личность, ввели насъ въ область формъ, въ царство тѣней, отъ которыхъ не вѣетъ животворнымъ дыханіемъ искусства.

Здѣсь нельзя не упомянуть о замѣчательномъ талантѣ, тоже подражательномъ, но въ другомъ родѣ, *Богдановичь*, который внесъ совершенно особенное направленіе, названное у насъ Легкою Поэзіею. Изобрѣтеніе Душеньки не принадлежитъ автору; это глубокомысленный и прекрасный идеалъ Греческой фантазіи, утратившій свой первообразъ въ разсказѣ Лафонтена. Богдановичь, тоже безъ всякаго уразумѣнія древняго миѳа, снялъ эту картину съ его Психеи, переложилъ ее на свой ладъ, разсказалъ по-своему, весьма игриво, въ разнообразныхъ стихахъ. Это произведеніе похоже на разсказъ о фантастическомъ сновидѣніи, въ немъ все отливается въ очаровательныя формы, красота и движеніе которыхъ занимаетъ воображеніе, безъ всякой особенной мысли; этотъ видъ изящнаго можно назвать прелестнымъ, въ которомъ образы господствуютъ надъ идеей. Не то ли самое встрѣчаемъ мы въ природѣ, которая, поражая насъ величіемъ зданія, таитъ въ нѣдрахъ своихъ разнообразныя чудеса, блестящіе алмазы, рубины, изумруды и кораллы; и она раздробляется на очаровательный рядъ игривыхъ формъ, увеселяющихъ взоры. Эта поэзія — изліяніе чистаго сердца, и оттого стоитъ выше произведеній предшественниковъ. Но не создавъ самъ Душеньки, онъ не выдержалъ и характера ея; она дышетъ необыкновенною чистотою, безпечною веселостію, иногда напоминаетъ изваяніе Кановы; вдругъ становится смѣшною, отъ игриваго тона переходитъ въ шутливый, потомъ въ грубый, обращается въ пародію, сказочное лице. Такимъ образомъ, подражательные писатели, съ одной стороны, не умѣвшіе довершить начатое Ломоносовымъ, другіе, принявшіе одно вредное отъ Сумарокова, или увлеченные разными произведеніями всего Запада, проходятъ по всему вѣку Екатерины, внося съ собою начало чуждое, направленіе преимущественно формалистическое.

Въ противоположность всему сказанному, Словесность наша, во второй половинѣ XVIII вѣка, имѣла самую свѣтлую сторону. Ломоносовъ встрѣтилъ зарю блистательнаго дня нашей жизни, и сошелъ въ могилу, когда счастливое поколѣніе готовилось пожинать лучшіе плоды. Отечество наше является въ какомъ-то счастливомъ напряженіи внѣшнихъ и духовныхъ силъ; громъ

чудныхъ побѣдъ поражаетъ слухъ Европы, которая изумилась его могуществу и силѣ; необыкновенною энергіей одушевлены были Русскіе. При такомъ счастливомъ стеченіи событій, являются даровитые умы на всѣхъ путяхъ жизни; самые разнообразные таланты стекаются ко двору Екатерины, который становится средоточіемъ умственной дѣятельности, храмомъ наукъ и искусства. Вечера въ Эрмитажѣ представляли великолѣпное зрѣлище: лучшія женщины, вельможи, образованнѣйшіе умы окружаютъ Государыню, призывающую ихъ съ единственною цѣлію — мѣняться мыслями, приносить и уносить съ собою идеи, оживотворяющія духъ нашъ. Одаренная геніальною силою, мимо политической славы, съ любовью къ знаніямъ и прекрасному, царственнымъ уваженіемъ къ дарованію, она носитъ въ себѣ возможность эпохи, освящаетъ вѣкъ своимъ именемъ. Величайшій подвигъ Государыни состоялъ въ томъ, что она искала безсмертной славы въ славѣ своего народа: «Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы живемъ для нашего народа». Своимъ Наказомъ она хочетъ пробудить въ немъ благороднѣйшія движенія души; измѣняя жалкаго раба въ счастливаго подданнаго, сама толкуетъ ему о правахъ и человѣческомъ его достоинствѣ; подаетъ примѣръ любви къ умному и прекрасному: въ 1765 году пишетъ къ Циммерману, что она заключилась на девять мѣсяцевъ въ своемъ кабинетѣ, и составляетъ реэстръ 200 или 300 Русскихъ словъ, переводитъ ихъ на всѣ возможные языки и нарѣчія, находитъ сходство языка Остяковъ съ Кельтскимъ, и Вольней доноситъ Цельтической Парижской Академіи, что этотъ словарь — матеріалъ для нея драгоцѣнный. Она привела въ движеніе умственные силы народа, повѣряетъ ему собственныя мысли и воззрѣніе на человѣческую жизнь; рѣзко, но съ игривою веселостію, изобразила темную ея сторону; ожидала содѣйствія; общество не могло остаться равнодушнымъ къ призывающему голосу геніальной жены; изъ среды его выступаетъ человѣкъ, одаренный высшею творческою силою, Русскій геній, съ новой поэзіей, отозвавшійся со всей энергіей души *на всѣ новыя явленія жизни.*

Державинъ самъ высказалъ родословную своихъ произведеній: они порождены природою, нуждою и врагами. Объяснимъ, что должно разумѣть въ этихъ словахъ: не взявши ничего изъ прошедшей половины XVIII вѣка, самобытный, неподражаемо

оригинальный, этотъ геній вышелъ изъ лона природы, навсегда сохранилъ сходство съ своею матерью, любилъ и изучалъ ее, прислушивался къ вѣщему ея голосу, уразумѣлъ языкъ ея, и говорилъ только на немъ, не читая правилъ эстетическаго вкуса, не учась въ мастерской художника. Оттого онъ поэтъ мгновенія; одержимый силою добраго духа, онъ вызывалъ изъ струнъ лиры возвышенныя пѣсни, достойныя славы Божіей и природы; въ другую минуту, онъ былъ такой же слабый смертный, какъ и прочіе; многія стихотворенія, которыя у образованнаго художника могли бы взять внѣшней красотою и обработкой, иногда у него правильны, но неизмѣримо ниже вдохновенныхъ созданій, хотя въ послѣднихъ можно найти вопіющія ошибки. Бѣдствія, слава и страданія открыли глубину души его и воспитали въ ней высокое чувство нравственности. Итакъ, нравственное чувство и фантазія — два высочайшіе дѣятеля этого генія: первое обнаружило ему всю глубину человѣческаго сердца, вторая хранила образы природы, картины общественной жизни и показала надъ ними все свое могущество, пересоздавъ въ прекрасные идеалы. Въ первый разъ Русскій поэтъ вооружается пророческимъ гнѣвомъ на пораженіе чувственности; въ первый разъ проповѣдуетъ власть всемощнаго духа надъ всѣми бѣдствіями и неправдами, стремленіе къ общественному благу и любовь къ человѣчеству. Строгій, неумолимый съ одними вельможами, когда читалъ въ душѣ ихъ неправоту и безчеловѣчіе къ ближнему, онъ выступаетъ съ благороднымъ негодованіемъ и показываетъ на живое подобіе ихъ, на Инцитата Калигулы, или хочетъ воспламенить въ нихъ искру благородства, завѣщая имъ,

Стоять, предъ Трономъ не сгибаться,
Стоять, и правду говорить.

Иногда остановится въ раздумьи надъ слабостями людей, съ полугрустною улыбкой спрашиваетъ важнаго человѣка, часто ли онъ отъ государственныхъ занятій подымается на высокую башню, пускать свой бумажный змѣй. Наконецъ, благодарно сочувствуя Екатеринѣ, онъ есть представитель торжественныхъ мгновеній своего отечества, и членъ юныхъ странниковъ въ обѣтованную землю грацій и музъ. Пытливый зритель блестящаго двора, глубокомысленный наблюдатель порока, облеченнаго въ одежду

величія, онъ изобразилъ съ удивительною вѣрностію вѣкъ славы и заблужденіи, оживилъ понятія его, образъ мыслей, характеръ страстей, и, оторвавши огромную, самую поучительную картину отъ современности, поставилъ ее на видъ будущимъ вѣкамъ, одушевилъ нетлѣнными красотами, освятилъ своею личностью, нравственно-высокою, съ вѣрою въ божественность нашей природы. Эта картина вѣка слишкомъ огромна и обнимала все современное; должно было выдти изъ ея магическаго круга и поставить себя въ приличномъ отдаленіи, чтобы постигнуть истинную ея красоту. Современники стояли къ ней слишкомъ близко, сливались съ нею, составляли ея часть, и потому не могли понимать своего великаго представителя. Были однако двѣ высокія личности, которыя постигли различныя, но существенныя черты геніальнаго лирика. Фелица, проникнутая высокимъ нравственнымъ чувствомъ, исторгла слезы изъ очей Екатерины; удивившись могуществу поэта проникать въ человѣческую душу, она поняла его женственно, и воздала ему царственное уваженіе въ присутствіи всего двора. Но въ глубинѣ этой творческой души лежала ужасающая сила, чисто эксцентрическая, чуждая всякой пропорціи и симметріи, единственная причина его нестройства и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то дикой гармоніи, такъ поразительно проявившейся въ Водопадѣ: Similis simili gaudet, и потому эту силу глубже всѣхъ постигъ Суворовъ, и выразилъ ее въ той странѣ, которая во многомъ походитъ на нашего поэта, даже на обоихъ вмѣстѣ. Попирая грозныя вершины С. Готарда, повитыя небесными тучами, Русскій Аннибалъ сказалъ своимъ дѣтямъ: *грянетъ* ли о насъ Державинъ? Слово грянетъ въ устахъ человѣка, часто произносившаго имя Божіе, но никогда всуе, — въ устахъ Суворова, въ торжественное мгновеніе, передъ лицомъ природы, не звукъ кимвала звенящаго, а громъ дѣйствительный, который грохоталъ подъ нимъ въ долинахъ и раздавался надъ головой! Суворовъ олицетворяетъ силу Державина въ громѣ; Державинъ выразилъ Суворова, какъ поэтъ, превосходно изобразивъ этотъ единственный въ мірѣ характеръ въ *полуночномъ вихрѣ;* кажется, это выше картины Байрона и всего, что сказано о Суворовѣ другими.

После Державина должно обратить вниманіе на *Фонъ-Визина,* талантъ весьма замѣчательный; въ нѣкоторомъ смыслѣ, его

можно назвать продолжателемъ Кантемира. Первоначальная борьба, изображенная послѣднимъ, теперь обнаружилась въ бо̀льшихъ размѣрахъ, въ бо̀льшемъ количествѣ представителей, оттого у фонъ-Визина есть лица съ просвѣтленнымъ разумомъ, требованіями чисто человѣческими. Онъ вѣрно изобразилъ особенные пороки общества, имѣлъ великое вліяніе на современниковъ. *Бригадиръ* и *Недоросль*, комедіи достойныя художника, представляютъ поучительную картину нравовъ. Съ умомъ свѣтлымъ и наблюдательнымъ, способнымъ особенно уловлять смѣшное, съ искусствомъ изображать противоположности, онъ представилъ въ живыхъ, дѣйствительныхъ лицахъ, долго бывшихъ нарицательными именами, два явленія: тогдашнее жалкое воспитаніе, развивавшее одну невѣжественную грубость, безсмысленное и безчеловѣчное барство; во вторыхъ, постыдную безличность, слѣпое благоговѣніе къ иноземному имени, скрывавшему не рѣдко грубыхъ невѣждъ и обманщиковъ, которые въ приличномъ количествѣ стекались къ намъ, какъ въ Америку, изъ Бордо и другихъ заморскихъ закоулковъ. — Только Аристофанъ могъ такъ явно осмѣять Грековъ, какъ осмѣялъ своихъ соотечественниковъ Ф. Визинъ: въ глазахъ родителей, воспитателей и дѣтей, онъ посадилъ Вральмана съ учительскаго мѣста прямо на козлы, и вмѣсто книги, далъ ему въ руки хлыстъ. Образецъ послѣдняго недостатка прекрасенъ въ Иванушкѣ, юношѣ не чуждомъ природного ума, но сбитомъ съ толку въ то время, когда силы его не успѣли еще развиться; по принятому закону онъ думаетъ, что совершенство человѣческое — Французъ, въ которомъ обоготворяетъ самыя отвратительныя свойства, притупляя, такимъ образомъ, до послѣдней степени свои душевныя силы. Уловивъ превосходно смѣшную сторону въ среднихъ кругахъ общества, онъ изобразилъ ее въ разныхъ лицахъ, въ которыхъ узнали себя современники, и должны были смѣяться надъ самими собою. Этотъ талантъ дѣйствовалъ на очищеніе нравовъ, великъ для своего вѣка, лучше насъ ему сочувствовавшаго; потому что преимущественная наклонность изображать одни особенности, хотя народными красками, явленія частныя, случайныя и преходящія, страсти, изъ которыхъ рѣдкая занимается въ глубинѣ души, отдалила его отъ общечеловѣческой занимательности, отчасти завлекла въ односторонность. Желаніе Скотинина, въ случаѣ женитьбы на

богатой, скупить со всего свѣта свиней, психологически вѣрно; грубая, прожорливая чувственность дѣйствительно составляетъ существенную черту этого характера; но ошибка художника состояла въ томъ, что онъ *человѣка*, хотя страшно грубаго, обратилъ въ чисто вещественную, тѣлесную глыбу, въ которой ничего не видно, кромѣ процесса уподобленія. — Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ самый грѣхъ лежитъ на душѣ Гоголя; нѣкоторые художественно изображенные характеры Мертвыхъ душъ не естественно животны. Самое главное для насъ самостоятельность и естественный, неподдѣльный комизмъ. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что Ф. Визинъ, подобно Кантемиру (*), изображая пороки, доходилъ до ихъ источника, предлагалъ противоядіе: оба они прежде всего требуютъ образованія сердца, къ этой цѣли должны идти рука объ руку и наука и искусство; на этомъ основаніи оба созидаютъ полнаго человѣка; въ противномъ случаѣ, по справедливому мнѣнію ихъ, въ человѣкѣ всегда могутъ родиться ложныя, ничтожныя стремленія; такой воспитанникъ едва ли рѣшиться искать наслажденія въ гармоніи съ природой и награды въ одной добродѣтели. Письма Ф. Визина должны занять почетное мѣсто въ Исторіи Словесности; въ нихъ говоритъ онъ о внутреннемъ состояніи души, при видѣ чуждыхъ странъ, особенно словутой Франціи; и должно отдать справедливость самостоятельности характера, основательному взгляду, личнымъ убѣжденіямъ и силѣ аналитическаго ума. Свѣтлыя мысли, требованія разума, негодованіе къ Парижу, ѣдкая насмѣшка надъ тогдашними Аѳинами; тѣмъ болѣе достойны уваженія, что онъ находился среди поклонниковъ, воздававшихъ неумѣренныя почести Вольтеру. Въ самомъ пристрастіи, безъ сомнѣнія слишкомъ очевидномъ, еще виднѣе противоположность его съ безотчетнымъ подражаніемъ.

Есть много второстепенныхъ писателей, въ различныхъ родахъ, но главная цѣль достигнута; должно было указать на два направленія нашей Словесности, такъ рѣзко выразившіяся. Самобытные писатели остались важными и сохранили свое значеніе въ потомствѣ, еще лучше оцѣнившемъ ихъ; но не могли подавить сильнаго вліянія иноземнаго, даже ставили себя ниже подражателей и долго шли каждый своей дорогой. На этомъ

(*) Сат. VI Кант.

распутіи, ознаменованномъ разладомъ направленія, является *Карамзинъ*, уже юноша въ то время, когда дѣйствовали Державинъ, Ф. Визинъ и представители ложнаго вкуса.

Итакъ все, что было сказано о Литературѣ, представляетъ три главныя явленія: безусловное подражаніе во многихъ родахъ поэзіи, преимущественно въ трагедіи, отчасти въ эполеѣ; владычество общихъ мѣстъ въ одахъ; постепенно возвышающаяся независимость въ сатирѣ, комедіи и свободной лирѣ Державина. Карамзинъ не принадлежитъ ни къ одному изъ этихъ разрядовъ. Онъ не имѣлъ притязаній на геніальныя классическія созданія, выразивъ въ этомъ все благородное къ себѣ безпристрастіе, и чрезвычайно вѣрно угадалъ свое призваніе; не создавши ничего великаго въ Литературѣ, онъ стоитъ выше подражательныхъ классиковъ; великая его заслуга состояла въ примиреніи и сдруженіи Литературы съ обществомъ, хотя и здѣсь не обошлось безъ пожертвованія.

Одинъ преобразователь сошелъ съ земнаго поприща 1765 г. другой въ это же время явился на свѣтъ (*). Дѣтство свое онъ провелъ въ деревнѣ, въ Симбирской губерніи учился Нѣмецкому языку, рано полюбилъ занятія и съ сердечнымъ любопытнымъ читалъ древнюю исторію. Дальнѣйшіе его развитіе совершалось въ Москвѣ, у знаменитаго Шадена и другихъ профессоровъ Московскаго Университета, имѣвшихъ важное вліяніе на его образованіе. Карамзинъ переходитъ въ Петербургъ въ то время, когда въ Литературномъ мірѣ царствовалъ Державинъ; прошелъ уже годъ, какъ появилась Ода къ Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, и еще не переставали съ изумленіемъ говорить о Татарскомъ Мурзѣ, проживавшемъ по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ. Карамзинъ встрѣтилъ здѣсь своего родича, съ которымъ въ послѣдствіи былъ связанъ неразрывною дружбою, благодѣтельной для обоихъ, особенно въ юности (**). Извѣстно, что Державинъ имѣлъ великое вліяніе на поэтическій талантъ Дмитріева, который благоговѣя передъ его геніемъ, лучше дру-

---

(*) Нынѣ минуло мнѣ 24 года, писалъ Карамзинъ въ Женевѣ 1789 г. Декабря 1-го, слѣдовательно онъ родился 1765 г.

(**) Настоящее переселеніе въ сѣверную столицу послѣдовало 1816 года; съ того времени, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, одушевлялъ онъ лучшее образованное общество.

гихъ замѣчалъ истинныя ошибки, оттого былъ чрезвычайно строгъ къ себѣ, и выучился у Державина тому, чего не имѣлъ самъ учитель: оды его и всѣ произведенія представляютъ прекрасные образцы со стороны правильности и художественной обработки формъ. Знаемъ, что Державинъ благословилъ и Карамзина, сближеніе котораго съ Дмитріевымъ несомнѣнно содѣйствовало правильному, неложному направленію. Второе благодѣтельное слѣдствіе состояло въ томъ, что при взаимномъ энергическомъ стремленіи, эти два таланта, вступая въ столкновеніе, безпрестанное соприкосновеніе, могли понять себя относительно, а по этому лучше уразумѣть въ себѣ господствующую способность. Въ другое время это могло значить не много, но при тогдашемъ направленіи Литературы былъ важенъ каждый шагъ въ развитіи дарованія. Первоначальные его труды въ Литературѣ большею частію были переводы, прежде съ Нѣмецкаго, потомъ съ Французскаго; въ послѣдствіи онъ познакомился съ языкомъ и Литературой Англійской. Когда даровитый и неутомимый Новиковъ, имѣвшій вліяніе на умственную жизнь современниковъ, началъ издавать Дѣтское Чтеніе, Карамзинъ помѣщалъ въ немъ первые свои опыты. Цѣль этого журнала, какъ сказано въ предисловіи, было желаніе доставить молодымъ охотникамъ до чтенія упражненіе на природномъ нашемъ языкѣ, съ подражаніемъ въ томъ лучшимъ нѣмецкимъ сочиненіямъ. Въ немъ помѣщались переводы нравственнаго содержанія, изъ Естественныхъ наукъ и Географіи, путешествій, между прочими, путешествіе Васко-де-Гамы, статьи изъ Боннета и разныя повѣсти. На 24 году жизни, увлеченный необыкновенною жаждою знанія, онъ отправляется въ чужіе краи, посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію. Въ 1790 году нашъ путешественникъ возвращается въ Россію. Обогащенный живыми впечатлѣніями, разнообразными свѣдѣніями, еще новыми для тогдашняго общества, онъ предается Литературнымъ занятіямъ, и въ началѣ слѣдующаго года, началъ издавать Московскій журналъ, въ которомъ участвуютъ другъ его юности, Дмитріевъ, отчасти Херасковъ и Державинъ. Послѣдній помѣстилъ въ немъ нѣкоторыя свои оды, между прочими, Видѣніе Мурзы; сюда вошли и анекдоты изъ иностранныхъ журналовъ, переводы изъ Оссіана, Мармонтелевы Вечера, статьи съ Нѣмецкаго; чрезвычайно любопытно тамъ же встрѣтить, въ 6-й части,

переводъ нѣкоторыхъ сценъ изъ знаменитой Индійской драмы: Саконтала; на концѣ приложенъ краткій, но превосходный отзывъ Гете, съ переводомъ на Русскій языкъ. Кромѣ множества статей, стихотвореній, критическихъ разборовъ, во всѣхъ осьми частяхъ помѣщены Письма Русскаго Путешественника. Послѣднія замѣчательны, какъ особенное явленіе въ нашей Словесности, и какъ особенный періодъ въ литературномъ образованіи самого писателя. Въ первый разъ явилось произведеніе, представляющее полное и живописное изображеніе отдаленныхъ западныхъ странъ. Историческая картина эта обнимаетъ множество предметовъ, чрезвычайно разнообразныхъ, но полна единства и цѣлости; ибо одушевлена вездѣприсутствіемъ художника, который разсѣялъ въ ней множество превосходныхъ описаній, усилилъ разнообразіемъ чувства и поддержалъ занимательность особеннымъ даромъ разсказа и легкостію изложенія. Природа, памятники искусства, общественные нравы, великіе мужи, отдаленное отечество, вотъ точки, около которыхъ безпрестанно вращается его вниманіе. Бѣгло прослѣдивъ содержаніе и впечатлѣнія писателя, можно что нибудь сказать о значеніи этого литературнаго явленія. Чрезвычайно занимательно обратить на него вниманіе въ то время, когда онъ встрѣчается съ знаменитостями Германіи и остальной западной Европы. Онъ бесѣдуетъ съ Кантомъ, описываетъ наружность Коперника умственной солнечной системы, но вмѣстѣ съ этимъ, отказывается ее понимать; удивляясь необыкновеннымъ познаніямъ, онъ сознается, что ему все было доступно, кромѣ Метафизики философа. Съ великимъ вниманіемъ слушаетъ онъ лекцію Платнера, читавшаго о Геніи; но съ большимъ сочувствіемъ бесѣдуетъ съ поэтами; съ произведеніями Рамлера и Виланда онъ гораздо болѣе знакомъ, нежели съ философіей. Юный путешественникъ, еще не мечтая о возможности того подвига, который совершилъ послѣ, вступаетъ въ разговоръ съ Гердеромъ, только не объ Исторіи; онъ признается Германскому ученому, что не совсѣмъ понимаетъ его Urkunde des Menschlichen Geschlechts; предметомъ ихъ бесѣды была Италія и древнее искусство. Чрезвычайно бѣгло онъ изображаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ Дрезденской Галлереи; но не льзя не отдать справедливости врожденному его вкусу, вѣрному взгляду на созданія великихъ художниковъ. Въ часы досуга, онъ занимаст-

ся современной Германской поэзіей, читаетъ Шиллера; Фіэско дѣйствуетъ на его душу болѣе, нежели Донъ Карлосъ, что очень понятно; вопреки мнѣнію Нѣмецкихъ критиковъ, онъ ставитъ перваго выше. Путешественникъ вступаетъ потомъ въ ту страну, въ которой встрѣчается съ предметомъ любви своей, съ дикой, первобытной и дѣвственной природой.

«Итакъ я въ Швейцаріи, въ странѣ живописной натуры, въ землѣ тишины и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собой подымается вверхъ, и я съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ! На самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что говоритъ Ж. Ж. Руссо о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, которыя унижаютъ благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербрунена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебренаго Штаубаха, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное свое отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной!»

Весьма рѣдко предается писатель исключительному изображенію предметовъ, никогда почти не можетъ отдѣлить отъ нихъ собственныхъ чувствъ; въ самыхъ величественныхъ картинахъ онъ выражаетъ столько же себя, сколько и природу. Весьма занимательны письма его о Парижѣ, гдѣ онъ отдѣляется отъ изображаемой картины, и съ бо̀льшею вѣрностію рисуетъ самыя разнообразныя лица и предметы. Взглядъ его на нравы жителей, ихъ характеръ, походитъ на изображеніе Ф. Визина, но лишенъ враждебнаго увлеченія, исполненъ снисходительности, все смягчено, болѣе разнообразія; здѣсь представляются и богатства искусства, и сценическія зрѣлища, и люди, пожираемые страстію къ новостямъ, любовью къ удовольствіямъ, безпечность ихъ и легкомысліе. Ему представляется счастливый случай знать лично многія знаменитости и образъ ихъ мыслей, съ которыми онъ уже познакомилъ своихъ соотечественниковъ: Бартелеми, Левекъ, Лагарпъ, Мармонтель и множество другихъ. Всѣ они оставили многое въ его душѣ, еще свѣжей и пріимчивой. Англія была послѣднимъ предметомъ его любопыт-

ства; отсюда онъ возвращается въ Россію, чтобы раздѣлить впечатлѣнія съ своими соотечественниками. Очевидно, что на Письма Русскаго Путешественника брошенъ одинъ бѣглый, поверхностный взглядъ; но иначе къ нимъ и приступать невозможно; тутъ ни къ чему не поведутъ ни какіе философскіе вопросы, точно также странно обращаться къ нимъ съ нашими требованіями, здѣсь исключительно важенъ взглядъ современника. Содержаніе писемъ совсѣмъ не глубокомысленный предметъ, самъ писатель вовсе не предполагаетъ этой цѣли; а между тѣмъ, онѣ чрезвычайно важны и по богатству содержанія, и по способу изложенія, совершенно новому. Трудно вообразить, какое сильное вліяніе онѣ произвели на Русское общество. Пламенныя и свѣжія впечатлѣнія, выраженныя чрезвычайно увлекательно; лица, извѣстныя единственно по названію; чуждыя страны, безчисленное множество предметовъ, знакомыхъ также по одному имени, бывшихъ прежде какими-то пустыми, ничтожными представленіями, все это внезапно явилось въ живыхъ картинахъ, получившихъ опредѣленный образъ; призрачный, мечтательный міръ замѣнился живою внѣшностію; всѣ увидѣли дѣйствительныя картины природы, общественной жизни и искусства. Прибавимъ, что все это выражено въ высшей степени увлекательно, оживлено искусною кистію; притомъ чего стоилъ этотъ чудный, летучій слогъ, исполненный благозвучія? Войдемъ наконецъ въ требованія царствовавшаго тогда вкуса, и весьма будетъ понятно то невыразимое участіе, съ которымъ встрѣтило его общество и все молодое поколѣніе. Далѣе, въ исторіи умственной жизни писателя это было самое животворное явленіе: кто не отдастъ должной справедливости благородной душѣ, исполненной высокой любви къ знанію и образованію? Этотъ умъ, увлекаемый собственною силою, самъ себѣ прокладываетъ путь, смѣло и дерзновенно является къ величайшимъ представителямъ мышленія, къ великимъ геніямъ истины, но скромно и благоговѣйно внимаетъ глубокомысленной ихъ бесѣдѣ. На 24 году жизни, путешествіе въ 1790 году, далеко не похожее на наше настоящее, достойно особеннаго уваженія, и несомнѣнно обращало его самого въ предметъ всеобщаго любопытства. Укоряютъ Карамзина въ излишней сентиментальности, всеобщемъ недугѣ XVIII столѣтія; но не должно забывать, что съ нею тѣсно граничитъ главная, родовая черта

его характера; чувствительность, глубоко поселенная въ его душѣ, совсѣмъ не есть что нибудь пришлое, занятое; она отличаетъ не только Письма, всѣ его повѣсти, все, что онъ произвелъ на свѣтъ, и выразилась въ извѣстной мѣрѣ въ самой Исторіи. Нельзя отрицать, что есть крайности, но всегда будемъ читать ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ; ибо все, ознаменованное свойствами личности нравственно-прекрасной, какъ выраженіе особеннаго явленія нашего духа, останется на всегда одинаково близкимъ къ человѣку; иначе мы никакъ не разрѣшимъ, почему существуетъ нравственная связь и любовь между разумными существами. И такъ, сколько мы знакомимся съ изображаемыми предметами, столько же узнаемъ самаго писателя: субъективность его отличительное свойство. Весьма замѣтно, что онъ еще не установился совершенно, находится еще въ періодѣ образовательномъ; видно много неопытнаго, молодаго, что онъ чувствовалъ и самъ, желалъ даже ихъ исправить, но рѣшился оставить прошедшее такъ, какъ оно было. Не смотря на это, щедрая природа рано въ немъ обнаружила нравственныя силы; весьма часто встрѣчаются въ Письмахъ блестящія мысли, здравыя сужденія, принадлежность глубокомысленнаго философа, а главное, необыкновенное чувство красоты. Величайшимъ доказательствомъ его внутренняго эстетическаго образованія и свѣтлаго ума служатъ превосходныя понятія о Шекспирѣ, изъ которыхъ видно, что онъ глубоко постигалъ сущность и природу изящнаго; умѣлъ, не взирая на внѣшность, почувствовать присутствіе высокой красоты въ самыхъ грубыхъ образахъ:

«Публика была всегда на сторонѣ Вольтера, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться. Вообще въ сочиненіяхъ его не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя геній натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи понятны бываютъ только не многимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствій ихъ весьма ограниченъ. Всякой любуется пареніемъ весенняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красоты Заиры? Но многіе ли удивляются Отеллу?»

«Французская Мельпомена благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ и въ искусствѣ писать могутъ служить

образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія и глубокаго чувства натуры — простите мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! должны они уступить преимущественно Англичанамъ.»

Этотъ глубокомысленный взглядъ па Шекспира есть даръ его эстетической природы, непосредственнаго чувства, и высказался въ слѣдствіе впечатлѣній, произведенныхъ на душу колоссальными трагическими личностями Англійскаго генія; Карамзинъ былъ проникнутъ силою послѣдняго и выразилъ ясно понятое ощущеніе, не болѣе; между тѣмъ къ этому же понятію о Шекспирѣ пришелъ путемъ глубокаго философскаго изученія великій толкователь его, Августъ Шлегель.

Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что Карамзинъ, пораженный роковымъ величіемъ Лира, въ ночную грозу, перебиралъ въ умѣ все, что написали Корнель и Расинъ, и сказалъ: кто спроситъ еще: какой характеръ, какую душу имѣлъ Лиръ? И тогда же, лучшій Французскій теоретикъ, Лагарпъ, называетъ эту трагедію однимъ изъ самымъ нелѣпыхъ созданій Шекспира. Слѣдовательно, Лагарпъ не согласенъ съ Карамзинымъ, раздѣляя геніальныя драматическія созданія, во первыхъ, на нелѣпыя, а во вторыхъ, на самыя нелѣпыя, относя къ послѣднимъ и Лира!

Не одна Россія читала съ наслажденіемъ Письма Русскаго Путешественника; переведенныя въ послѣдствіи на Нѣмецкій и Англійскій языки, онѣ занимали и западную Европу. Теперь должно остановить вниманіе на новомъ родѣ произведенія, ознаменованнаго неслыханнымъ успѣхомъ и огромнымъ вліяніемъ на Русское общество. Въ шестой части Московскаго журнала явился уже не переводъ, а собственное сочиненіе Карамзина, повѣсть: Бѣдная Лиза. Разсказавъ кратко содержаніе этого произведенія, столь важнаго въ свое время, должно обратить вниманіе на изобрѣтеніе его, показать, что въ немъ новаго для Русскихъ, и въ чемъ состоитъ Литературное достоинство.

Въ живописныхъ окрестностяхъ Москвы, среди зеленаго луга, въ бѣдной хижинѣ доживаетъ свой вѣкъ мать Лизы, которая питаетъ ее своими трудами, и служитъ единственною отрадою прекрасными свойствами сердца. Съ наступившей весною она начинаетъ ходить въ городъ, продавать цвѣты, и случайная встрѣча съ молодымъ господиномъ составляетъ узелъ всей ея судьбы. Эрастъ покупаетъ у ней букетъ ландыша и беретъ слово никому не продавать цвѣтовъ, кромѣ его. На

другой день, напрасно искавши незнакомца, дѣвушка бросила въ рѣку не проданный букетъ, и съ необъяснимой грустью возвращается домой. Но Эрастъ проникъ въ ея жилище, узналъ ея мать и однажды, въ раннее ясное утро, явился внезапно въ глазахъ бѣдной дѣвушки, задумчиво сидѣвшей на берегу Москвы. Чистое и простое сердце съ наслажденіемъ слушаетъ прекраснаго юношу, и всею душею предается непонятному влеченію чувства. Легкомысленный и вѣтреный Эрастъ губитъ несчастную дѣвушку, и восхищаясь прежде ангеломъ непорочности, теперь сталъ въ ней видѣть жертву и живую укоризну собственнаго преступнаго заблужденія; самоотверженіе и покорность невинной жертвы, счастливой его присутствіемъ, возмущаетъ его совѣсть. Лиза начинаетъ тяготить его. Преслѣдуя ее прежде на каждомъ мѣстѣ, теперь онъ избѣгаетъ всякой встрѣчи, представляетъ вымышленную невозможность свиданія, на которую бѣдная дѣвушка отвѣчаетъ одними вздохами. Отъ вымысла молодой господинъ переходитъ къ безсовѣстной лжи; не приходивши къ ней долгое время, онъ скрываетъ новый гнусный замыселъ подъ видомъ священной обязанности. Лизѣ предоставлено избрать одно изъ двухъ: ежедневно видѣть Эраста, какъ недостойнаго сына отечества, какъ труса съ обезславленною и запятнанною честію, или не видать его, можетъ быть, долго, но знать, что онъ на пути чести, славы, неомраченный ни какимъ преступленіемъ гражданскимъ. Можно предвидѣть напередъ, что скажетъ великодушная жертва, предавшая всю себя его волѣ: когда такъ, говорила она, то поѣзжай, куда Богъ велитъ! Два мѣсяца прошло послѣ печальной разлуки, проведенной въ тоскѣ и страданіи; больная мать посылаетъ ее въ городъ; на большой улицѣ Лиза встрѣчаетъ великолѣпную карету; въ ней сидѣлъ Эрастъ, безчестный молодый господинъ. Входя на крыльцо, съ ужасомъ почувствовалъ онъ себя въ объятіяхъ дѣвушки; взволнованный и пораженный, беретъ ее за руку, вводитъ въ кабинетъ, говоритъ о своей близкой свадьбѣ, и оглушивши ее, какъ громомъ, такою новостію, вложилъ въ руку сто рублей, отворилъ дверь, и сказалъ съ непринужденностію слугѣ: проводи со двора эту дѣвушку! Поле чести его было шумное, безпутное общество; сраженіе — игра въ карты; конецъ гибель всего имѣнія, для пріобрѣтенія котораго снова, онъ женится на богатой вдовѣ! Несчастная въ отчаяніи оставляетъ городъ, достигаетъ до глубокаго пруда, мѣста прежнихъ свиданій, и мгновенно приходитъ въ себя. Мысль самоубійства обняла всю ея душу: десять имперіаловъ посылаетъ она къ матери съ дочерью сосѣда, проситъ вымолить ей прощеніе, и бросается въ воду. Старая мать заплатила жизнію за эту страшную новость, и опустѣлая хижина обратилась въ предметъ ужаса суевѣрныхъ поселянъ. Эрастъ былъ несчастливъ до конца жизни своей, называя себя убійцею, и можетъ быть, примирился съ жертвою въ вѣчности.

Весь этотъ разсказъ, произшествія и характеры не льзя назвать изобрѣтеніемъ Карамзина; въ этой картинѣ повторяется

все, что было извѣстно нашему писателю. Онъ не похищалъ ихъ умышленно, не сближалъ предварительно своихъ лицъ съ тѣми, которыя дѣйствовали на его воображеніе, во время чтенія иностранныхъ повѣстей; въ противномъ случаѣ, должно допустить, что Карамзинъ сознательно пошелъ по слѣдамъ чуждыхъ писателей и добровольно отказался отъ себя, чего совсѣмъ не было, какъ увидимъ послѣ. Очевиднѣе то, что онъ былъ подъ вліяніемъ сентиментальной школы; читая и переводя множество подобныхъ сочиненій, находился долго въ волшебномъ кругу этихъ призраковъ, и самъ, одаренный избыткомъ чувства, находилъ въ нихъ много родственнаго и близкаго; словомъ, эти образы, характеры и событія, изображенные въ молодой повѣсти, осадокъ прошедшаго, всего, что увлекало и наполняло его душу. Она родилась изъ сочувствія и воспоминанія, весьма живаго, производительнаго. Оттого, со стороны внутренней, при вопросѣ, какая мысль лежитъ въ основаніи этого разсказа, отвѣта нѣтъ, и быть его не можетъ. Если бы Карамзинъ былъ великимъ, геніальнымъ поэтомъ, тогда бы онъ могъ быть совершенно независимымъ отъ чуждаго вліянія, изчерпалъ бы въ художественномъ своемъ созданіи то же самое нравственное начало, которое дѣйствуетъ и въ жизни человѣка; но онъ не былъ рожденъ великимъ поэтомъ, и вотъ почему въ немъ отразился тотъ же самый недостатокъ, который былъ у современныхъ иностранныхъ писателей, воспитавшихъ его талантъ. Эта повѣсть была принята съ восхищеніемъ въ остальной части Европы, переведена была также на Англійскій языкъ, и только въ этой странѣ возбудила негодованіе критиковъ. Англичанъ оскорбилъ недостатокъ нравственной истины. Гибельная судьба невинной сельской дѣвушки, горестная смерть матери, послѣдніе дни ея, отравленные извѣстіемъ о насильственной смерти обольщенной дочери, вся эта разрушительная картина покрывается раскаяніемъ преступника, изображеннымъ блѣдно, слабо и поверхностно; чувство остается неудовлетвореннымъ и невольно возмущается. Карамзину былъ поставленъ на видъ нравственный недостатокъ бѣдной Лизы; онъ полагалъ, что она не нравилась Англійскимъ Пуристамъ, но ничего не могъ сказать противъ возраженія критиковъ: какимъ образомъ развратъ и самоубійство могутъ примириться въ вѣчности?

Выразивши множество впечатлѣній, которыя скопились въ его душѣ и сроднились съ нею, при отсутствіи основной мысли, недостаткѣ общемъ и чуждымъ писателямъ, онъ невольно впалъ въ другую ошибку: въ этой повѣсти явился недостатокъ истины исторической. Кто въ бѣдной Лизѣ, исполненной рѣдкой чувствительности, утонченности чувства, общаго всѣмъ тогдашнимъ романическимъ лицамъ, узнаетъ Русскую сельскую дѣвушку? Міръ ея: зеленый лугъ, ландыши, прогулка на уединенномъ берегу рѣки, на которомъ прерываетъ ея мечты молодой Эрастъ! Русская дѣвушка могла отличаться всѣми прекрасными качествами ума и сердца, и тѣмъ менѣе могла походить на обитательницу Женевскаго озера, или очаровательнаго острова юга! Читай эту повѣсть иностранецъ, Французскій маркизъ XVIII в., онъ узнаетъ въ Эрастѣ себя или своихъ знакомыхъ, хотя послѣдній походитъ болѣе на эхо, нежели на живой, совершенно выраженный характеръ. Въ немъ видно доброе сердце, но по своей легкости послушное всякому влеченію, быстро переходящее всѣ степени заблужденія — слабость, порокъ и развратъ; но не достаетъ у него внѣшности: онъ изображенъ слишкомъ плоско, неуловимо. Вся повѣсть будетъ своей и во Франціи; одно въ ней непонятно: золотыя главы, Кремль, Татары, Москва рѣка, но объ этомъ послѣ. Одна старая мать Лизы нѣсколько походитъ на лице, взятое изъ народа; съ простымъ сердцемъ и нравственными правилами, съ набожною душею, она иногда говоритъ совершенно въ своемъ духѣ. И такъ, съ этой стороны разбираемая повѣсть есть временная дань современному обществу, извѣстная степень развитія; онъ невольно выразилъ идеи того времени, нравы и приличія; все происшествіе, не смотря на изображаемыя преступленія, облечено въ увлекательныя формы; въ этомъ смыслѣ, въ ней видѣнъ le bon goût classique Французовъ, признанный точкою отправленія въ сужденіи объ изящномъ.

Все достоинство повѣсти заключается въ исполненіи, легкомъ изложеніи, искусномъ разсказѣ. Современное общество находило въ ней неистощимое наслажденіе; указанные недостатки были причиною величайшей занимательности. Кто могъ отказать въ участіи несчастному существу, знавшему на землѣ одно чувство, безпредѣльную любовь, въ жертву которой оно принесло все, самую жизнь свою? Не издавъ ни какого ропота,

лишенная всего, она увидѣла передъ собою бездну стыда и отчаянія; не имѣя силъ влачить страшную жизнь до конца, избираетъ путь кратчайшій, самоубійство. Все это въ ней совершается инстинктивно, страдательно, и тѣмъ болѣе за нее возмущаешься. Прибавимъ, что эта повѣсть исполнена прекрасныхъ описаній, написана слогомъ, какимъ въ то время никто не владѣлъ въ такомъ совершенствѣ; Карамзинъ сталъ образцомъ въ изящномъ слогѣ, любимцемъ общества. Наконецъ, въ бѣдной Лизѣ есть исторически-литературное достоинство; она была новымъ явленіемъ въ Литературѣ, по характеру мѣстности: писатель ведетъ современное общество не въ хижину, скрытую въ цвѣтущихъ горныхъ долинахъ, не на очаровательные берега волшебнаго озера, на которыхъ долгое время жили душею наши соотечественники; повѣсть начинается прекраснымъ описаніемъ Симонова монастыря, вида златоглаваго Кремля и мѣстъ, ознаменованныхъ бѣдствіями и славою нашего народа; зрѣлище совершается въ сердцѣ отечества, въ прекрасныхъ окрестностяхъ Москвы, въ которую Лиза приходила съ цвѣтами; завѣтный ландышъ былъ брошенъ въ Москву рѣку; бѣдная жертва погибла въ пруду, недалеко отъ монастырской обители. Сколько возможно, мы изобразили требованія современниковъ; должно знать, съ какимъ восторгомъ бросились они читать Бѣдную Лизу, которая ни въ чемъ не противорѣчила ихъ вкусу. Это было эпохою въ литературномъ мірѣ и блестящею славою Карамзина; можетъ быть, ни одинъ писатель не встрѣтилъ такого всеобщаго восторга, съ какимъ привѣтствовали современники своего любимца. Лизинъ прудъ, мѣсто до того времени пустое, окружено было множествомъ экипажей; туда съѣзжалось лучшее общество на изъявленіе своего торжественнаго, единодушнаго сочувствія писателю! Въ предпослѣдней части Московскаго журнала явилась новая повѣсть: Прекрасная Царевна и счастливый Карла, съ восхищеніемъ принятая въ Англіи; за нею слѣдовали другія, изъ которыхъ замѣчательна Наталья Боярская дочь. Содержаніе ея стоитъ уже на значительномъ разстояніи отъ прежнихъ произведеній. Карамзинъ вводитъ читателей въ міръ древней жизни, изображаетъ передъ ними патріархальные обычаи и простоту нравовъ нашихъ предковъ; но переходъ отъ характера первой повѣсти не можетъ быть разительно противоположенъ; по этому, не смотря на увлекатель-

ный разсказъ, не льзя въ ней найти дѣйствительнаго прошедшаго; вся картина походитъ на древность, единственно съ наружной стороны. Въ 1794 году изданы были двѣ книги Аглаи, въ которой явилась романтическая, таинственная повѣсть: Островъ Борнгольмъ. По самому внутреннему содержанію и по внѣшнему изображенію, она гораздо ближе къ своему идеалу, нежели прежняя, въ которой совсѣмъ не видно боярскихъ древнихъ нравовъ. Проникнутая романтическимъ духомъ, съ которымъ совершенно сообразны искусно избранная мѣстность, превосходныя описанія пустыннаго замка, мрачныхъ картинъ природы, самаго нравственнаго ужаса, на который изящно наброшено таинственное покрывало, эта повѣсть обаяла волшебною силою мечтательныя души, чувствительныя сердца, составлявшія тогда все лучшее общество. Дѣйствительно, едва ли гдѣ нибудь у него такъ усилена возрастающая занимательность; страшная тайна, разливающая тяжелое уныніе, поставлена въ очаровательномъ отдаленіи; оба страждущія лица, превосходно очерченныя, изображенныя на развалинахъ счастія, на безпредѣльномъ другъ отъ друга разстояніи, соединены еще роковыми узами; ужасное преступленіе, проглядывающее изъ за несчастія; мрачный разсказъ старика, живущаго въ безлюдной пустынѣ, все это могло поселить въ душу чувство ужаса и горестнаго участія. Весьма понятна необыкновенная любовь общества къ Карамзину, а изъ этого, въ сочиненіяхъ его мы вполнѣ понимаемъ царствовавшія тогда идеи и направленіе вкуса. Съ другой стороны, не льзя не замѣтить рѣзкой особенности; увлекаясь общимъ духомъ, онъ вноситъ совершенно новое начало, отечественное, которое въ извѣстной мѣрѣ высказалось въ Бѣдной Лизѣ, Боярской дочери, и общество приняло ихъ съ восторгомъ. Въ слѣдъ за разсказомъ: Островъ Борнгольмъ, появилась сказка: Илья Муромецъ, въ формѣ чрезвычайно увлекательной, въ легкихъ стихахъ и совершенно новаго размѣра, до сихъ поръ не потерявшая своей цѣны. Всего удивительнѣе то искусство, съ какимъ онъ умѣлъ приноровить ее ко вкусу времени, такъ превосходно приладить къ характеру современности. Дѣятельность его становится болѣе энергическою, онъ идетъ впередъ, совершенствуется видимо. Повременныя изданія совпадаютъ одно съ другимъ; въ 1797 году явились Аониды, или собраніе разныхъ стихотвореній, продолжав-

шіяся три года; въ нихъ принимаютъ участіе Державинъ и Дмитріевъ; въ то же время, въ 1798 г., изданы были три книги Пантеона Иностранной Словесности, въ которыхъ онъ помѣстилъ свои переводы; здѣсь находятся, между прочими, философскіе и историческіе предметы: о Богѣ, изъ Цицерона; о Платонѣ, или о происхожденіи міра, изъ Анахарсиса; изъ Тацита, Тасса; переводы съ Нѣмецкаго, Французскаго, и весьма замѣчателенъ особенный переводъ сценъ изъ Саконталы, приведенный прежде.

Въ царствованіе Александра, съ 1802 года, Карамзинъ началъ издавать новый журналъ: Вѣстникъ Европы, выходившій каждый мѣсяцъ, имѣвшій великое множество подписчиковъ. Кромѣ повѣстей, замѣчательныхъ переводовъ изъ Нѣмецкихъ, Англійскихъ и Французскихъ журналовъ, въ немъ помѣщались разнообразныя свѣдѣнія о современной Европѣ, распространившіяся въ нашемъ отечествѣ; тутъ изображается современное движеніе идей на Западѣ; весьма занимательны жаркія состязанія Мерсье съ Французами, которые ни за что не хотѣли принимать Кантовой философіи; важное значеніе имѣли современныя произшествія Европы, политическія событія, анекдоты о Бонапартѣ. Въ литературномъ отношеніи этотъ журналъ имѣлъ еще бо́льшее значеніе; замѣчательна критическая статья о Богдановичѣ, особенно появленіе элегіи Жуковскаго *Сельское кладбище*. Самъ Карамзинъ, кромѣ политическихъ событій, помѣстилъ въ нихъ Продолженіе писемъ Русскаго Путешественника, а въ 1803 году явилась послѣдняя изъ повѣстей, Марѳа Посадница.

Съ перваго взгляда видно, что онъ вошелъ въ святилище отечественной Исторіи; избрано мгновеніе въ высшей степени занимательное, паденіе Новогородской свободы. Величественно изображено шумное Вѣче и зрѣлище иностранныхъ гостей, присланныхъ Ганзою; описаніе сраженія, торжественный въѣздъ Іоанна III, пламенники, горящіе на Великой площади, Марѳа, послѣдняя Гражданка Новгородская, идущая на мѣсто казни, всѣ эти картины изображены искусною и окрѣпшею рукою художника. Дѣйствіе, произведенное на современниковъ, было неописанно; весьма долгое время эта повѣсть была предметомъ всеобщаго любопытства и неумолкаемаго разговора. Успѣхъ дѣйствительно необыкновенный; для насъ важно въ высшей

степени уже то, что Русское общество обращаетъ съ удивленіемъ взоръ на свое отечество; въ литературномъ мірѣ явился предметъ неслыханный, древній Новгородъ, такъ живо изображенный любимымъ, знаменитымъ писателемъ. — Собственное изобрѣтеніе и важность содержанія, рѣдкое искусство въ разсказѣ, предметъ чисто народный, все это составляетъ великое, неотъемлемое достоинство таланта; не смотря на это, какъ замѣтны, какъ свѣжи еще слѣды подражательнаго направленія! Кто скажетъ, что онъ отдѣлился на сколько-нибудь отъ современности? Повѣсть написана трагическимъ слогомъ, господствовавшимъ и любимымъ въ то время; оттого весьма многіе съ восхищеніемъ повторяли выраженія, въ которыхъ была какая-то особенная важность и музыка. Кому же могли казаться странными взгляды, образъ мыслей и характеры новаго времени, изображенные въ лицахъ повѣсти? Это было общественное требованіе, необходимая жертва, за которую современники превознесутъ художника, и Карамзинъ принесъ ее безсознательно, увлеченный общимъ потокомъ мыслей. И кто тогда былъ знакомъ съ духомъ прошедшаго, съ характеромъ и языкомъ Вѣча; оттого оно изображено въ томъ видѣ, въ какомъ все тогда представляли: все, что въ немъ было историческаго, важнаго, явилось въ современной одеждѣ, торжественномъ слогѣ, странномъ величіи. Это же самое отразилось и въ характерахъ: Мірославъ изображенъ именно такимъ героемъ, какихъ себѣ представляли въ то время; какое рыцарское великодушіе обнаруживаетъ Іоаннъ, закрывающій Мірослава своимъ щитомъ! Это одно изъ самыхъ очаровательныхъ положеній; на какомъ неизмѣримомъ разстояніи отъ смиреннаго, младенческаго Русскаго монаха поставленъ пустынникъ Θеодосій, съ трагическою горестію показывающій на небо! Но этотъ призракъ аскета поселялъ удивительное очарованіе въ душу читателей. Вмѣсто задушевной бесѣды и сѣтованія съ народомъ, мы слышимъ, безъ всякаго преувеличенія, рѣчь Помпея, и переселяемся невольно на Forum Romanum. Современныя идеи, господствовавшій характеръ, вкусъ, любимыя мечты, безъ всякаго насилія, безсознательно приросли къ прошедшему; XV столѣтіе, совершенно чуждое, независимо жившее, одними именами, тѣнію событія, явилось въ изящномъ изображеніи XIX вѣка; всѣ восхищались минувшимъ, которое воскресло въ такомъ живомъ, прекрасномъ видѣ,

и всѣ любовались собственнымъ изображеніемъ! И такъ, искаженіе исторической истины, встрѣченное у Французскихъ писателей XVII, особенно XVIII вѣка, явившееся превратно у насъ, и доведенное до крайности въ Сумароковѣ, словомъ, безусловное подражаніе переходило, какъ наслѣдственная болѣзнь, изъ рода въ родъ, отъ писателя къ писателю, и въ томъ же самомъ видѣ, хотя осліпленное жизнію, является у Карамзина въ предсмертную минуту, въ какомъ прежде разливалось заразою. Вызванные прежде съ священныхъ мѣстъ нашего отечества, Кій и Хоревъ породнились съ героями Корнеля и Вольтера, переряженными во Французовъ; явившись съ Новгородскаго Вѣча, изъ XV столѣтія, предки наши представлены погрѣшительно съ той же самой стороны; вся разница въ томъ, что иностранные писатели, при ихъ неизмѣримомъ превосходствѣ со стороны искусства, изобразили чужое въ своемъ духѣ; наши безусловно себя передѣлывали на чужой ладъ, жили чужимъ духомъ, въ формахъ котораго должно было явиться и свое, если приходило съ требованіями на участіе и всеобщее вниманіе.

Здѣсь самъ собою раждается вопросъ: въ какомъ отношеніи находился Карамзинъ съ современнымъ обществомъ? Понималъ ли онъ требованія публики и поступалъ преднамѣренно, угождая вкусу ея, или дѣйствовалъ удачно, счастливо, безъ всякой умышленности? Въ первомъ случаѣ, постигнувъ желанія и направленіе общества, онъ долженъ стать съ нимъ въ уровень, отозваться понятнымъ голосомъ, и такимъ образомъ дѣйствовать предположительно, систематически, увлекать его, жертвуя господствующему духу, а съ другой стороны, вести его же незамѣтнымъ образомъ къ истинному направленію; тогда вся дѣятельность его расчитана, и онъ видимо выше своего вѣка. Но за чѣмъ же Бѣдная Лиза, Наталья Боярская Дочь перемежаются Юліей, Прекрасной Царевной, Островомъ Борнгольмомъ? Далѣе, на какомъ основаніи тѣ же самыя ошибки встрѣчаются въ каждой повѣсти, если этотъ талантъ выше своего вѣка, дѣйствующій по начертанному замыслу? Какая ему необходимость, ставши на равнѣ съ своимъ вѣкомъ, добровольно принимать на себя тѣ же погрѣшности, являться съ ними нѣсколько разъ, а не дѣйствовать такъ, какъ должно: съ осторожностію указать на нихъ, или обнаружить свою силу въ произведеніи рѣшительномъ, совершенно новомъ, особенно при рѣдкомъ искусствѣ

владѣть языкомъ? Нѣтъ, на это нужна высшая творческая сила, геній, которымъ Карамзинъ не родился. Онъ несомнѣнно былъ рожденъ и воспитывался въ духѣ понятій, одинаковыхъ съ вѣкомъ; но одаренный чрезвычайно свѣтлымъ умомъ и эстетическимъ вкусомъ, былъ увлекаемъ своимъ счастливымъ и спасительнымъ инстинктомъ, и потому шелъ рядомъ съ своимъ вѣкомъ, носилъ въ себѣ всѣ грѣхи его, вмѣстѣ съ нимъ совершенствовался, съ каждымъ новымъ трудомъ сознавалъ себя лучше, и неоспоримо совершенствовалъ свой вѣкъ. Послѣдняя его повѣсть, Марѳа Посадница, не смотря на замѣченные недостатки, въ этомъ отношеніи, стоитъ неизмѣримо выше всего, что онъ написалъ прежде; притомъ, онъ стоялъ уже на порогѣ отечественной Исторіи, безъ которой, говоря сущую истину, Карамзинъ остался бы человѣкомъ весьма замѣчательнымъ въ Исторіи Литературы.

Разсматривая стихотворенія, его тоже нельзя назвать великимъ талантомъ; это второстепенный поэтъ. Рѣзко въ нихъ выставляются эстетическое чувство, правильный вкусъ, гармоническій слогъ, звучный и плавный стихъ, всѣ размѣры котораго ему равно доступны; встрѣтимъ легкую игривость, свѣтлыя мысли и спокойствіе. И такъ, при изумительной дѣятельности, Карамзинъ распространяетъ просвѣщеніе повременными изданіями, со славою довершаетъ подвигъ Новикова; болѣе всѣхъ дѣйствуетъ на общество, постепенно измѣняя вкусъ и требованія какъ его, такъ и свои собственныя, счастливо начавъ съ любимыхъ, общезанимательныхъ предметовъ. Въ Исторіи Словесности показалъ новое явленіе, возбудивъ единодушное участіе къ своимъ повѣстямъ, отличающимся особеннымъ характеромъ мѣстности; сблизилъ современниковъ съ событіями народной исторіи, изобразивъ ихъ изящно, не отдѣлившись впрочемъ отъ тогдашняго воззрѣнія; всѣ свои произведенія обозначилъ печатію личности, врожденною нѣжностію чувства, которая овладѣла всею душею современниковъ, и которой не можетъ не поставить въ достоинство самое потомство.

II.

Историческія сказанія, явившіяся въ слѣдъ за Христіанствомъ, разлились по всѣмъ предѣламъ древней Руси и въ теченіи столѣтій, были извѣстны весьма не многимъ лицамъ, составляли наслѣдіе иноковъ, не были достояніемъ всего народа. Съ перваго взгляда они поражаютъ вниманіе религіознымъ воззрѣніемъ на жизнь и отсутствіемъ единства; въ ихъ раздѣльномъ характерѣ ярко изображается картина раздробленной Руси. Прошло много столѣтій, Лѣтописи наши не измѣнялись, оставались въ томъ же видѣ. Когда Москва образовала сердцевину Русской земли, магнетической силой привлекала къ себѣ отдѣльныя княжества, составилось единое государство, тогда родилась важная мысль единства и цѣлости, которую хотѣлъ сообщить отрывочнымъ сказаніямъ спорный сочинитель Свода Лѣтописей, съ такою вѣрностію выразившій свою мысль въ самомъ названіи: разумѣемъ Степенныя Книги. Самый полный лѣтописный сборникъ былъ составленъ въ XVII вѣкѣ Никономъ. Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на памятники отечественной Исторіи, желалъ напечатать Русскую Лѣтопись, принявъ въ основаніе вѣрнѣйшій списокъ; повелѣлъ соборамъ и монастырямъ прислать рукописи въ Типографскую Книгохранительницу; въ 1703 году весьма многія изъ нихъ были собраны и означены надписями, видѣнными послѣ К. Щербатовымъ, который пользовался ими съ дозволенія Екатерины. Великое намѣреніе Петра, къ сожалѣнію, не совершилось. Въ такомъ состояніи нашихъ историческихъ памятниковъ, встрѣчаемъ замѣчательное лице, Татищева, посвятившаго большую часть жизни на собираніе Лѣтописей и составленіе Исторіи Россійской. Въ

свое время онъ былъ весьма образованъ, путешествовалъ, зналъ Нѣмецкій и Польскій языки, по этому пользовался не одними Русскими книгами. Собравъ множество списковъ, изъ которыхъ не мало нашелъ въ Сибири, онъ увѣрялъ, что ни одинъ изъ древнихъ списковъ не былъ моложе 250 лѣтъ, слѣдовательно позднѣйшіе относились къ XVI в. Сочиненіе его, доведенное до 1462 года, и изданное въ царствованіе Екатерины Великой, не есть собственно Исторія, только сводъ Лѣтописей; но важно уже то, что онъ пользуется источниками, обращаетъ вниманіе на иностранныя извѣстія, помѣщаетъ свои примѣчанія, стало, первый пролагаетъ путь къ критическому изслѣдованію. Въ этомъ состоитъ вся его заслуга. Ломоносовъ оставилъ небольшіе труды свои въ исторіи, но самъ лучше всѣхъ понималъ всю бѣдность ихъ и недостатокъ; точно также должно смотрѣть на историческія занятія и другихъ лицъ, разница будетъ только въ несправедливомъ притязаніи послѣднихъ. При Екатеринѣ, съ великою любовію занимался Русскою Исторіею Щербатовъ и собиралъ для нея матеріалы; услышавъ объ этомъ съ удовольствіемъ, Государыня утвердила его въ намѣреніи своимъ одобреніемъ, поручила разобрать Архивъ Петра Великаго, открыла входъ во всѣ Государственныя Библіотеки и Архивы. Появилась Исторія, доведенная до Михаила Θеодоровича: трудъ не малый, но весьма неудачный. Татищевъ былъ болѣе осторожевъ въ обращеніи съ списками, приступилъ къ своему дѣлу съ ученою цѣлію; Щербатовъ бралъ изъ нихъ безъ всякаго разбора. Этотъ обширный Сводъ Лѣтописей, составленный безъ малѣйшаго критическаго вниманія, для настоящаго историка былъ матеріалъ довольно опасный; невозможно было положиться на него безнаказанно: явившись въ свѣтъ позже Татищева, онъ стоитъ ниже и въ историческомъ значеніи и по языку, который далеко слабѣе и чрезвычайно тяжелъ. Въ это время явились, случайно и со стороны, нападенія на него Болтина: съ любовью къ истинѣ и Россіи, онъ вооружился противъ Леклерка, показалъ пристрастную клевету его на наше отечество, обличалъ въ незнаніи Русской Исторіи и, коснувшись стороною ошибокъ Щербатова, началъ обличать и послѣдняго. Вся исторія спора могла быть важна исключительно послѣдствіями: коснувшись весьма многихъ вопросовъ, оба они возбуждали осторожное вниманіе будущаго дѣлателя и

невольно ставили его въ наблюдательное положеніе. Въ 1765 году, избранъ былъ ординарнымъ профессоромъ Русской Исторіи Шлецеръ, вызванный Миллеромъ изъ Геттингена: онъ оказалъ нашей Исторіи великія услуги, хотя пришелъ изъ такой земли, гдѣ обращеніе съ древними памятниками было знаніемъ, наукою. Мимо другихъ изданныхъ имъ памятниковъ, онъ посвятилъ сорокъ лѣтъ на глубокомысленное изслѣдованіе Нестора: желая имѣть самый полный Временникъ, понятнѣйшій, онъ избралъ Никоновскій списокъ; при изученіи обратилъ вниманіе на Византійскія Лѣтописи и, передъ самымъ началомъ историческаго подвига Карамзина, посвятилъ первую часть Императору Александру; пятая и послѣдняя часть его Нестора, заключившаяся Ярополкомъ, была издана 1809 года, не за долго до смерти. И такъ, Исторія была сводомъ Лѣтописей, исполненныхъ неисправностей, слѣдовательно полезныхъ относительно; Татищевъ показалъ примѣръ обращенія съ древними памятниками, но весьма не удовлетворительный; если нѣтъ права спрашивать, почему онъ не предложилъ себѣ вопросовъ, заданныхъ Шлецеромъ, при изслѣдованіи Нестора, то можно спросить, отъ чего онъ не постигъ главной своей задачи, раздобрать матеріалы, распредѣлить лѣтописные списки по времени сказать, гдѣ они найдены и что изъ нихъ заимствовано. Тогда бы не было повода думать о подложныхъ вымышленныхъ Лѣтописяхъ, не явилась бы скептическая школа, наша древняя Исторія не походила бы долгое время на лабиринтъ. Татищевъ могъ отвѣчать на это однимъ отрицаніемъ; онъ вѣроятно не предполагалъ, что многіе драгоцѣнные памятники погибнутъ. Замѣтивъ однѣ ошибки, должно было обратиться къ самимъ источникамъ; на эту же необходимость указывалъ поучительный споръ Щербатова и Болтина; оставался одинъ Шлецеръ, полезный впрочемъ для историка до того времени, на которомъ онъ остановился. Очевидно, что отечественная Исторія представляла крайнюю бѣдность въ вещественномъ отношеніи: прежде всего должно было имѣть передъ собою всѣ необходимые источники; но они были разсѣяны по всему пространству Россіи, разбросаны по неизвѣстнымъ мѣстамъ, скрывались у частныхъ лицъ, безъ всякаго порядка въ разсужденіи времени и предметовъ. Первая Русская Библіографія явилась съ Сопиковымъ, о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ не знали до Калайдовича, со-

общившаго притомъ невѣрныя свѣдѣнія; безчисленное множество памятниковъ, подобно мертвымъ, погребено было въ могилахъ; образцовое изданіе Несторовой Лѣтописи, притомъ неполное, явилось тогда уже, когда былъ совершенъ окончательно величайшій историческій подвигъ; видѣли въ какой степени было опасно ввѣриться Татищеву и Щербатову. Всѣ памятники духовной и гражданской Словесности, отличающіеся передъ другими вѣрною картиною дѣйствительной жизни, содержаніемъ чисто историческимъ, были извѣстны въ ничтожномъ количествѣ, и то не многимъ лицамъ. Теперь ясно, что сдѣлалъ Карамзинъ для исторіи въ вещественномъ отношеніи: онъ является на неизмѣримой высотѣ передъ своими предшественниками, совершилъ безпримѣрный подвигъ, собравши отовсюду всѣ историческіе источники, окруживъ себя предметами, стоящими съ нею въ какой бы то ни было связи; самъ открылъ множество памятниковъ Словесносности и Исторіи. Сообщая всякую случайную радость безсмертному своему покровителю, М. Н. Муравьеву, онъ писалъ къ нему о современникѣ Нестора, Іоаннѣ, Нифонтѣ Новогородскомъ, Даніилѣ Паломникѣ, и съ восторгомъ говоритъ объ открытіи двухъ Лѣтописей XIV в., которыхъ не имѣли въ рукахъ своихъ ни Татищевъ, ни Щербатовъ. Указанія прежнихъ историковъ онъ принялъ во вниманіе, но не довѣривъ имъ благоразумно, съ рѣдкою обдуманностію обращался къ источникамъ; сличая множество списковъ, онъ не теряется въ этомъ ужасномъ лабиринтѣ, строго повѣряетъ предшественникавъ, и каждый день, выражаясь его словами, открывалъ новыя и грубыя ошибки Татищева и Болтина. Взявши изъ Библіотекъ и Архивовъ разнородные и разновременные памятники, страшно перепутанные и разрозненные, привелъ ихъ въ стройный порядокъ, назначилъ каждому свое мѣсто. Хронологія, Географія представляли неимовѣрныя затрудненія; не легко рѣшить, которая болѣе не одолима; ибо географическое положеніе Россіи непрерывно измѣнялось въ продолженіи всей ея жизни. Прежде не имѣя ни съ чѣмъ дѣла, теперь онъ долженъ поневолѣ изучать Генеалогію, Нумизматику, Археологію. Не меньше усилій требовалось и съ другой стороны: постигая всю важность извѣстій о Россіи иностранцевъ, прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на древнія Лѣтописи, Византійскія, Скандинавскія, Нѣмецкія, Венгерскія, Польскія. Приступая къ изо-

браженію до-исторической Руси, началъ съ извѣстій Орфея, Гомера, всѣхъ послѣдовавшихъ Греческихъ и Римскихъ Историковъ; первый перечиталъ сочиненія путешественниковъ, бывшихъ въ Россіи, и писавшихъ о ней; зналъ все, что было можно знать въ его время; умѣлъ пріобрѣсть многія рѣдкія сочиненія, хранившіяся въ отдаленнѣйшихъ Библіотекахъ Европы. На этой степени своего подвига, онъ является съ колоссальнымъ собраніемъ матеріаловъ, совершилъ трудное, для другихъ невозможное; что теперь въ насъ не имѣло бы важнаго значенія, то въ Карамзинѣ было исполинскимъ подвигомъ, едва исполнимымъ; подобный гигантскій трудъ могъ составить цѣль всей человѣческой жизни, стяжалъ бы безсмертіе и вѣчную благодарность потомства. Все это безчисленное множество источниковъ въ глазахъ его представляло огромный вещественный запасъ, rudis indigestaque moles; для него этотъ періодъ труда хаотическій; онъ хочетъ привести безпорядочныя стихіи въ устройство, поставить на своемъ мѣстѣ всѣ громадные и малые обломки, представить утварь, образы зданія. Ясно изъ приведенныхъ условій и крайнихъ препятствій, что было нужно совершить; тутъ необходимо все энергическое мужество духа, чрезвычайно здравый и постоянно свѣтлый умъ. Онъ самъ выразилъ эту необходимость, и въ то время, когда неимовѣрныя препятствія встрѣтились съ нимъ лицемъ къ лицу и вступили уже въ борьбу на дерзновенномъ пути, онъ пишетъ къ Муравьеву: могу и хочу писать Исторію! Вотъ почему была возможна Исторія Государства Россійскаго: она есть благородный плодъ праведнаго сознанія нравственной силы и воли въ высокой степени безкорыстной. Изъ писемъ къ Муравьеву, напечатанныхъ въ Москвитянинѣ, ясно видно, что всѣ его нравственныя силы, подобно планетамъ, непрерывно вращаются около единой идеи; всею душею онъ погруженъ въ жизнь отечества. Сколько онъ долженъ былъ прочесть и что выбрать для первыхъ трехъ главъ, остановившись на порогѣ Русской Исторіи, держа въ рукахъ священную грамоту, составленную апостолами Славянъ? Едва ли не болѣе года неутомимаго труда употребилъ онъ на этѣ три главы, начавъ съ извѣстій о Кавказѣ, Колхидѣ, Киммеріанахъ; правда, другіе историки начали со всемірнаго потопа и разсѣянія человѣческаго рода, но для изображенія такой отдаленной эпохи, они употребили нѣсколько часовъ. Какъ онъ по-

ступилъ со множествомъ народовъ, о которыхъ говорятъ Гомеръ, Геродотъ и проч. Беретъ существенное, одни важныя извѣстія, которыми не дерзнулъ бы пренебречь и геніальный историкъ. Если бы онъ пускался въ глубину, доходилъ бы до послѣднихъ основаній при разборѣ матеріаловъ, особенно при разногласныхъ свидѣтельствахъ иностранцевъ, тогда бы на однѣ повѣрки и соображенія необходимы были цѣлыя десятилѣтія, усилія не одного человѣка, и мы едва ли бы имѣли Исторію. По этому, изъ многихъ противорѣчащихъ показаній онъ принялъ тѣ, которыя казались болѣе достовѣрными его критическому, разборчивому уму. Освѣтивъ отдаленнѣйшій мракъ древности многими свидѣтельствами, найдя въ нихъ общее, согласивъ противорѣчія, онъ приступаетъ къ Исторіи Государства Россійскаго. Въ тѣхъ же письмахъ въ высшей степени занимательно слѣдить за движеніями его души; тамъ видны всѣ сомнѣнія, надежды, порывы неожиданной радости; иногда ужасается множеству примѣчаній и выносокъ, то праведно удовлетворяется собою и съ наслажденіемъ отдыхаетъ, разрѣшивши три вопроса: кто были древніе обитатели Россіи? Кто были наши предки Славяне, Вяряги и Варяги — Русь? «Не отдамъ въ печать ни строки, пока не дойду до фамиліи Романовыхъ:» — Въ 1807 году, онъ уже въ концѣ III тома, останавливается на нашествіи Татаръ. Долгое время не признаетъ въ себѣ истиннаго таланта: «отъ Князя Ивана Васильевича до Царя Михаила Ѳеодоровича Исторія наша представляетъ уже множество великихъ происшествій, которыхъ описаніе должно рѣшить, имѣетъ ли авторъ способности нужныя для историка?»

Муравьевъ подалъ ему руку, Государь повелѣлъ открыть всѣ письменныя богатства Россіи; въ 1815 году Александръ принялъ 8 томовъ Исторіи Государства Россійскаго, почтилъ автора царственно, избавивъ ихъ отъ всякой цензуры.

Показавши что онъ совершилъ въ вещественномъ отношеніи, должно обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы: въ какомъ состояніи находилась Исторія, какъ наука? Когда родилась у Карамзина мысль объ отечественной Исторіи? Какъ онъ смотрѣлъ на Исторію и чего отъ нея требовалъ? Какой характеръ его Исторіи, достоинства ея и недостатки? Какое значеніе она имѣла въ Исторіи нашей Словесности?

Древніе народы имѣли совершенно иное воззрѣніе на чело-

вѣка; нельзя сказать, чтобы они видѣли въ Исторіи что нибудь выше занимательнаго и любопытнаго. Эта мысль оправдывается первыми словами отца Исторіи, Геродота Галикарнасскаго, который желаетъ, чтобы событія съ теченіемъ времени не истребились изъ памяти людей, чтобы великія и дивныя дѣла, совершенныя Еллинами и Варварами, не остались безъ славы. Иначе разсуждаетъ Римлянинъ, вездѣ преслѣдующій положительную, практическую цѣль: Саллюстій отправляется съ другой точки зрѣнія; онъ приступаетъ къ исторіи заговора Катилины въ силу убѣжденія, что нѣтъ ничего лучше, какъ benefacere и benedicere Reipublicæ. Должно было расширить умственный горизонтъ, чтобы пробудить въ человѣкѣ новыя требованія, а для этого не было въ мірѣ явленія выше Христіанства, раскрывшаго все безпредѣльное царство духа. Блаженный Августинъ въ сочиненіи своемъ: De Civitate Dei первый начерталъ тотъ кругъ, въ которомъ вмѣстилъ все вѣрующее человѣчество; какъ новый христіанинъ и свидѣтель падающаго языческаго міра, онъ разрозинилъ человѣчество на двѣ непримиримыя стороны; одна часть его отвержена, идетъ путемъ заблужденія, высшій ея свѣтильникъ разумъ, чуждый божественнаго откровенія; другая образуетъ единое семейство, гражданъ Божіихъ, руководимыхъ свыше Небеснымъ Отцемъ. Въ новѣйшія времена Исторія вступила въ тѣсную связь съ философіею, и великій шагъ къ этому сдѣлалъ Vico въ Scienza Nuova. Онъ высказалъ ту мысль, что общество есть произведеніе человѣчества, на которое смотритъ, какъ на собирательное существо, имѣющее собственную свою жизнь; принявъ различные возрасты, мѣняющіеся и повторяющіеся въ теченіи вѣковъ, онъ образовалъ изъ нихъ эксцентрическіе круги, не сказавъ опредѣлительно о его развитіи, совершенствованіи и конечной цѣли. Великія услуги философіи оказала Германія, особенно въ XVIII и XIX вѣкахъ. Либе въ своихъ Шести Чтеніяхъ о философіи исторіи, раздѣляетъ послѣднюю, со стороны воззрѣнія, на три рода, слѣдуя въ этомъ Гегелю (*): 1) Непосредственную Unmittelbare къ которой отнесъ всѣхъ древнихъ историковъ, начиная съ Геродота и Ѳукидида: 2) Критическую или исторію разсудка

(*) Sechs Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte von Dr. F. Liebe. 1841. Wolfenbüttel.

(Reflectirende), едва ли справедливо относя къ этому роду Лессинга, особенно Канта и Гердера, современниковъ нашего Карамзина, и всѣхъ слѣдующихъ философовъ; 3) Философскую (Philosophische), отдавши ее одному Гегелю.—Лессингъ въ сочиненіи своемъ: Über die Erziehung des Menschengeschlechts смотритъ на исторію съ религіозной точки зрѣнія: человѣчество, какъ существо собирательное, напутствуемое Божественнымъ Промысломъ, постоянно стремится къ высшему познанію; а Божественное откровеніе раскрывается по мѣрѣ развитія духовныхъ силъ человѣка, такъ что всякая верховная воля, не ясно предчувствуемая, переходитъ въ совершенное оправданіе, чистую истину. Сюда же относитъ онъ и философію Канта, которая клонится къ тому, чтобы доказать невозможность сверхчувственнаго познанія; человѣческій разумъ въ своемъ мышленіи ограничивается пространствомъ и временемъ и двѣнадцатью категоріями сужденія; далѣе идти не можетъ: высшіе вопросы и послѣднія основанія человѣческаго вѣдѣнія не досягаемы. Стоя въ недоумѣніи передъ основою знанія, онъ отказывается отъ чистаго разума и даетъ всю силу опытному, который внушаетъ ему врожденную, тѣмъ не менѣе необъяснимую мысль долга къ святѣйшему, высочайшему; изъ этого требованія опытнаго разума раждается необходимость существованія Бога, безсмертія и нравственнаго закона. И такъ, принявъ опорою увѣщаніе опытнаго разума, онъ поставляетъ цѣлію человѣчества царство вѣчнаго мира, совершенное и окончательное образованіе гражданскаго общества, въ которомъ только и возможно всестороннее развитіе душевныхъ силъ: Исторія стремится къ этой цѣли, изображая человѣчество въ его движеніи отъ несовершеннаго къ совершеннѣйшему. За нимъ слѣдуетъ Гердеръ. Недовольный требованіемъ опытнаго разума Кантова, еще менѣе удовлетворенный логическими формами разсудка, онъ хочетъ объяснить первое и признать его въ опытѣ и всеобщемъ смыслѣ, назвавши его непосредственнымъ знаніемъ, которое признаетъ присутствіе мудраго и благаго Провидѣнія. *Гердеръ* стремится объяснить божественные законы, управляющіе человѣчествомъ; разсматривая послѣднее въ собирательномъ смыслѣ, во всеобщности, разбирая его душевныя способности, онъ открываетъ его назначеніе въ развитіи человѣческаго (Humanität,) т. е. разумнаго и праведнаго, для земли еще не раскрыв-

шейся почки, долженствующей распуститься въ цвѣтѣ въ будущемъ существованіи. Къ этой цѣли, по его мнѣнію, стремится все человѣчество. Изъ Французовъ замѣчательнѣйшій по глубоко религіозному воззрѣнію на Исторію Боссюэтъ: въ величественномъ изображеніи представляетъ онъ въ Исторіи совершеніе божественныхъ предначертаній, видимый промыслъ Божій въ дѣлахъ земныхъ, явленіе и совершеніе божественныхъ намѣреній какъ въ славѣ и величіи, такъ и въ разрушеніи престоловъ и царствъ. Вотъ какъ смотрѣли на Исторію великіе представители знанія; Канта и Гердера Карамзинъ зналъ лично; мы видѣли, чѣмъ кончилась бесѣда философовъ съ юнымъ Русскимъ путешественникомъ; обоимъ онъ признался, что не можетъ понимать ни Метафизики, ни философской Исторіи.

Рано сознавалъ Карамзинъ недостатки относительно отечественной исторіи; вотъ что онъ думалъ на 25 году жизни (1790 г.), въ Парижѣ, познакомившись съ Левекомъ, еще за долго до этого знакомый съ его исторіей: «больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Русской Исторіи, т. е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою и благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы. Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выдти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная Князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлыя томы? Что не важно, то сократить, какъ дѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, собственно такъ называемые анекдоты, собрать, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Людовикъ XI: Царь Іоаннъ — свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой Государь, которому ни гдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живости, а все прочее обрисовать, но такъ, какъ дѣлали свои рисунки Рафаэль или Микель Анжело.»

Есть здѣсь и недостатки, обличающіе отсутствіе ученаго, философскаго воззрѣнія на исторію, и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣнъ свѣтлый природный умъ, правильность собственнаго, самобытнаго взгляда. Но кто бы подумалъ, что Карамзинъ, черезъ 25 лѣтъ, напишетъ такое странное предисловіе, совершивъ большую часть своего исполинскаго предпріятія? Исторія названа священною книгою народовъ; она показываетъ способы, какіе употребляла власть ума, для обузданія мятежныхъ страстей; миритъ гражданина, питаетъ нравственное чувство; если всякая исторія пріятна, тѣмъ болѣе отечественная. Гдѣ же генетическое опредѣленіе ея, какъ науки? Это все равно, если бы астрономъ, разсуждая о солнцѣ, сказалъ, что это свѣтило было почитаемо божествомъ, оно услаждаетъ взоры смертныхъ, представляетъ природу въ очаровательномъ видѣ. Если она располагаетъ душу къ справедливости и питаетъ нравственное чувство, то каждая наука будетъ исторіей; потому что нравственное совершенство есть слѣдствіе всякаго истиннаго знанія. Ясно, что полной и чистой идеи объ исторіи Карамзинъ не имѣлъ; при вопросѣ, есть ли она раскрытіе внутренней, духовной и внѣшней жизни, оживленной какой нибудь идеей? Какія начала служили основаніемъ нашей народной жизни? Какія явленія были ихъ слѣдствіями? Въ какомъ отношеніи наша исторія стоитъ къ Западной? Отвѣта нѣтъ и быть его не можетъ. Не раскрылась передъ нами народная жизнь во всей своей полнотѣ; для философскаго ея изображенія теперь только настаетъ время работъ; упрекъ въ высшей степени несправедливый, онъ ни какъ не падаетъ на Карамзина. Если поставимъ передъ нимъ Татищева, Щербатова и громаду матеріаловъ, и предложимъ ему приведенныя мысли въ видѣ вопросовъ, неизвѣстно, что бы вышло изъ его Исторіи; страшно подумать, въ какомъ видѣ она бы явилась и до чего была бы доведена. Какъ можно приступать съ подготовленной теоріей и высшими вопросами къ необъятному, не воздѣланному, искаженному міру нашего прошедшаго? Развѣ мы забыли, что Шлецеръ въ продолженіи сорока лѣтъ допрашивалъ Преподобнаго Нестора и дошелъ только до Владиміра Св? Получивъ въ даръ неоцѣненный плодъ неимовѣрныхъ трудовъ, мы должны или обратиться къ себѣ съ тѣми вопросами, съ которыми безъ всякаго права относимся къ Карамзину, или, въ сознаніи собственнаго безсилія, намъ оставалось желать про-

доллженія его жизни: потомство должно быть справедливымъ, не говоря уже о благодарности. Наконецъ самыя новыя требованія, совершенно справедливыя, но несовременныя Карамзину, обязаны своимъ происхожденіемъ его же Исторіи; увидѣвши послѣднюю въ неподражаемомъ изображеніи, мы желали, и весьма естественно, представить себѣ ясно и сознательно судьбу нашего народа, значеніе каждаго событія, причины всѣхъ явленій, всѣ задачи, разрѣшенныя прошедшею нашею жизнію; не сознались добросовѣстно только въ томъ, что эти высшіе взгляды были слѣдствіемъ поразительнаго на насъ вліянія и безмѣрнаго любопытства къ прошедшему, возбужденнаго величайшимъ изъ талантовъ. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служатъ тогдашнія жалобы на бѣдность и незанимательность нашей исторіи сравнительно съ иностранными; на нихъ указано еще въ письмахъ Русскаго Путешественника, въ приведенномъ примѣрѣ; несомнѣнно, что такое отрицаніе значенія нашей древней жизни было самымъ вѣрнымъ приговоромъ Татищеву, Щербатову и собратамъ ихъ, но не Исторіи Русской. Не дерзая упрекать незаслуженно, должно впрочемъ показать необходимыя слѣдствія отсутствія главной, основной мысли. При отсутствіи послѣдней, онъ изображаетъ минувшую жизнь своего отечества, всю судьбу древняго міра, не спрашивая себя, почему она явилась въ такомъ видѣ, не вникая въ пружины внутреннія и внѣшнія; а въ слѣдствіе этого вопроса, возникаетъ другой, о значеніи прошедшаго и событій его; тогда исторія представляла бы причины явленій, присутствіе разума и повела бы историка къ слѣдствіямъ, въ высшей степени занимательнымъ. Не видно удовлетворительнаго объясненія скораго, постепеннаго образованія разрозненныхъ племенъ Восточной половины въ единую Русь, тогда какъ Несторъ, пользуясь достовѣрными свѣдѣніями, изображаетъ намъ ихъ раздѣльно, вѣроятно въ теченіи многихъ столѣтій, часто прибавляя значительное выраженіе *живущимъ особь;* тогда какъ южная и западная отрасли Славянъ, размѣщенныхъ на тѣснѣйшемъ пространствѣ, распались на многія отдѣльныя государства, не образовали единаго цѣлаго. Что связало эти два начала, въ высшей степени противоположныя, живое, энергическое и не дѣятельное, страдательное, т. е. элементы Норманскій и Славянскій, и какія были послѣдствія, какая сторона уступила,

словомъ, въ какой степени значительны слѣды Христіанской вѣры, заронившей сѣмена въ самую глубину жизни? Это остается необъясненнымъ; далѣе, не предложивъ себѣ вопроса о значеніи жизни, онъ едва ли предложитъ себѣ второстепенныя задачи, необходимыя слѣдствія главной, не остановитъ своего вниманія на временныхъ явленіяхъ, съ перваго взгляда безсмысленныхъ и случайныхъ: «знаю, говоритъ Карамзинъ, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, *маловажны для разума, не богаты ни мыслями для прагматика*, ни красотами для живописца и проч. И такъ, приступая къ удѣламъ, онъ не ищетъ въ нихъ историческаго смысла; въ этой странной и безпорядочной картинѣ призраковъ, не предполагаетъ начала разумнаго, видитъ въ нихъ чисто чувственное явленіе и говоритъ объ этомъ только потому, что Россія намъ отечество: ея судьба и въ славѣ и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Оттого умъ читателя, введенный историкомъ въ такой темный міръ, ничего въ немъ не видитъ, кромѣ безсмыслія, длиннаго ряда кровопролитій, разнообразныхъ злодѣйствъ, неумолкаемой борьбы съ внѣшними врагами, которые сражаются не рѣдко въ рядахъ Русскихъ и противъ нихъ же; настанетъ непродолжительный отдыхъ, но и тотъ возмущается саранчею, голодомъ, пожарами и небесными знаменіями. Въ наше время образовалось совершенно иное воззрѣніе на Удѣльный періодъ. Намъ предстояло новое искушеніе, невыразимое страданіе, вынесенное съ величайшими пожертвованіями, въ которыхъ видѣнъ былъ огромный запасъ силъ; Карамзинъ смотритъ на него единственно съ внѣшней стороны. Какъ живописецъ, онъ не рѣдко одною чертою выражаетъ характеръ собственнаго воззрѣнія; весь Татарскій періодъ онъ изображаетъ однимъ выраженіемъ: степь голая и печальная. Дѣйствительно, чудовищныя массы Татаръ, нахлынувшія на наше отечество, подобно безчисленнымъ тучамъ саранчи, истреблявшія все живущее, поразившія проказою многострадальную Россію, при первомъ взглядѣ образуютъ безпредѣльную пустыню смерти, въ которой замираютъ всѣ жизненныя силы. Но для объясненія подобнаго, видимо неправильнаго стеченія событій, мало здраваго простаго смысла, который съ такою вѣрностію служа исторіографу, отказывается помогать ему тамъ, гдѣ нужна наука, а за нею высшія философскія сооб-

раженія. Въ замѣнъ этого, здѣсь есть своего рода польза и утѣшеніе; у философа не нашлось бы досуга, а можетъ быть и искусства; сообщить намъ всѣ событія, малѣйшія подробности; многое могло изчезнуть, и мы едва ли бы имѣли картину прошедшаго столь сложную и подробную; Исторія Карамзина выиграла въ полнотѣ, цѣлости и жизни. Теперь должно обратиться къ требованіямъ его, такъ ясно выраженнымъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника: онъ требуетъ, во первыхъ, исторіи хорошей, т. е. писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою и благороднымъ краснорѣчіемъ; во вторыхъ, хочетъ выбрать, сокращая не важное, одушевить, раскрасить, обрисовать, обезопасивъ эти слова отъ произвольнаго толкованія указаніемъ на рисунки Рафаэля и Микель Анджела; въ третьихъ, выше всего ставитъ искусство изображать дѣйствія. Первое требованіе выполнено не удовлетворительно: онъ былъ чуждъ философскимъ идеямъ, которыя выработывались въ то время, притомъ ясно противорѣчитъ себѣ въ третьемъ случаѣ, условливая совершенство Исторіи не философіей, а красотою Ливіева разсказа и силою Тацита. Должно впрочемъ замѣтить, что свѣтлый природный умъ исторіографа одаренъ былъ необыкновенною растяжимостію, способностію обнять всякую философскую систему; былъ далеко выше другаго философскаго ума, выдѣланнаго ученостію, заразительно дѣйствующею на поверхность природнаго; ему не доставало только приготовленія. Критическихъ соображеній и догадокъ, особенно при обстоятельствахъ запутанныхъ, чрезвычайно много. Повторяя всѣ извѣстія лѣтописца, изъ самаго баснословія онъ извлекаетъ ту возможную истину, которую вымыселъ образилъ въ чудо. Изъ разсказа о вѣщемъ Олегѣ, внесеннаго въ Исторію, выводитъ весьма основательное заключеніе: Олегъ ходилъ на Византію и успѣшно. Изложивъ подробно сказочную месть Ольги, говоритъ, что она, можетъ быть, умертвила Древлянскихъ пословъ, которые пришли оправдаться въ убіеніи Игоря. Можно согласиться, что это маловажно, послѣднее даже замысловато; но кому не извѣстно, что одинъ изъ его предшественниковъ тщательно ловилъ воробьевъ, чтобы удостовѣриться въ возможности Коростенскаго пожара. Въ обозрѣніяхъ историкъ касается всѣхъ стихій народной жизни, нѣтъ важнаго мгновенія, на которое бы онъ не бросилъ яснаго свѣта, не говоря уже о характерахъ. Послѣдніе

два требованія, притомъ со всѣми подробностями, тотъ только можетъ осуществить въ такомъ совершенствѣ, кто родится съ подобнымъ талантомъ. До сихъ поръ не было еще ни одного писателя, котораго бы можно было взять для сравненія, не говоря уже о равенствѣ. Карамзинъ глубоко входилъ въ прошедшую жизнь, съ полнымъ сочувствіемъ сливался съ событіями и характерами: оттого читатель, пораженный чудною игрою жизни, невольно забываетъ разсказъ, переселяется въ тотъ міръ, присутствуетъ среди зрѣлищъ, осязаетъ предметы и живетъ не настоящимъ. Съ этой точки зрѣнія, онъ отчасти оправдываетъ исключительное предпочтеніе живописному изображенію; потому что подобныя живыя картины могутъ возродить въ душѣ много здравыхъ мыслей и вѣрныхъ соображеній. Сюда относятся безсмертныя страницы о нашествіи Татаръ, паденіи Новгорода при Іоаннѣ III, картина этого же города и Пскова при Іоаннѣ Грозномъ, бѣдствіи временъ Годунова, изображеніе Россіи при Самозванцахъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ требованій, въ которыхъ видно, какъ неясно Карамзинъ представлялъ себѣ сторону философскую, можно заключить о характерѣ Исторіи Государства Россійскаго, раскрывающемся при самомъ изложеніи. Входишь въ этотъ міръ безъ всякой руководительной мысли, неизвѣстно куда стремятся событія, къ чему онѣ прикованы; совершенно скрытъ ихъ источникъ; какому началу они подчинены, какая между ними связь, ничего этого читатель не видитъ. Ясно, что историкъ необходимо долженъ изображать событія преемственно, послѣдовательно; происшествія толпятся и становятся рядомъ безъ разумной зависимости одно отъ другаго. Кіевскіе граждане въ торжественномъ совѣтѣ сами избираютъ Мономаха, вопреки обычаю, мимо Святославичей; не остановившись на этомъ важномъ явленіи, историкъ переходитъ къ описанію возмущенія. Изображая удѣлы, онъ видитъ княженія современныя, въ каждомъ есть важныя событія, остается писать уже не преемственно, а безпрестанно переходить отъ одного Княжества къ другому; отъ Ярослава и Брячислава, онъ переходитъ въ Тмутаракань, потомъ къ Косогамъ, и вдругъ описываетъ голодъ, который свирѣпствовалъ въ Суздалѣ. Встрѣтится Литва, Ливонскіе рыцари, историческая нить прерывается снова. Смущаясь картиной междоусобія и Татарскаго владычества, историкъ сооб-

щаетъ иногда свѣтлые взгляды, но не рѣдко черпаетъ однѣ нравственныя истины, которыя стоятъ въ чистой параллели съ жалобами благочестивыхъ лѣтописцевъ: *За грѣхи наши, ради были всѣ люди, только дьяволъ былъ печаленъ отъ этой любви, и влезъ сатана въ сердце* и проч. Слѣдовательно, его же требованіями объясняется и характеръ Исторіи Государства Россійскаго; отъ неяснаго уразумѣнія перваго, естественно родилась другая важная погрѣшность: онъ увидѣлъ въ ней рядъ безчисленныхъ событій, ярко обозначенныхъ разнообразными лицами; размѣщая ихъ послѣдовательно, необходимо долженъ былъ обратить Исторію въ изящную Лѣтопись, въ картинную галлерею происшествій и лицъ, поставленныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Вотъ почему два послѣднія требованія, поставленныя имъ во главѣ, превосходно осуществились въ *разсказѣ* и *характерахъ*. Сказано было, въ какой степени художественно оживленное его повѣствованіе; остается обратится къ послѣднимъ, строго придерживаясь тѣхъ началъ, отъ которыхъ онъ отправлялся; только въ этомъ случаѣ возможна безпристрастная оцѣнка; самое обвиненіе, чуждое заносчивой укоризны. Встрѣчая множество характеровъ, Карамзинъ чувствуетъ свое затруднительное положеніе, хочетъ себя обезопасить, изобразить каждый *съ нѣкоторою нравственною фазіономіею, чтобы онъ жилъ въ памяти не однимъ сухимъ именемъ*. «Такъ я мыслилъ и писалъ объ Игоряхъ, о Всеволодахъ, *какъ современникъ*, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ».

Дѣйствительно, безпристрастный ученый, глубоко вникшій въ духъ нашихъ лѣтописей, не можетъ не согласиться, что существенное сходство характеровъ поразительно вѣрно, вопреки мнѣнію покойнаго критика, человѣка весьма даровитаго, но оскорбительно нескромнаго къ совершеннѣйшему себя таланту. Неумѣстно смѣясь надъ великанами сумрака, онъ забылъ, что Карамзинъ разумѣлъ Олега, прослывшаго въ народѣ *вѣщимъ*, и *Святослава*, суровою дикостію своею поразившаго очевидца, Діакона Калоійскаго! Вмѣсто подобныхъ возгласовъ, забавляющихъ единственно толпу, стало, существенно вредящихъ образованію, слѣдовало указать на источникъ погрѣшности, которая дѣйствительно есть и происходитъ отъ двухъ причинъ: *художественности* и *личности*. Первая повредила многимъ характе-

рамъ древности въ исторической истинѣ; оттого великаны сумрака чрезвычайно походятъ на героевъ Оссіановыхъ Пѣсней. Притомъ, древніе герои Нестора, изображенные рѣзко, но не живо, чрезвычайно походятъ на знаменательные, но онѣмѣвшіе очерки лицъ, видимыхъ на Этрусскихъ вазахъ; у Карамзина они облечены въ полное, живое тѣло, и потому съ перваго взгляда невольно поражаютъ странною свѣжестію красокъ, покрывшихъ драгоцѣнный прахъ древности. Но бѣда, если онъ встрѣчается съ характеромъ, нравственные черты котораго представляютъ какую-нибудь гармонію съ его прекрасною душею; тогда онъ становится на достойную высоту, съ другой стороны, невольно склоняется долу. Никто, кажется, не можетъ съ такою вѣрностію изобразить Мономаха, такъ воспроизвести его по Лѣтописи, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдко можно такъ ошибиться. Въ Несторѣ мы понимаемъ Мономаха, любимъ въ немъ чудесную русскую душу, идеальную отвагу, невыразимое чистосердечіе; но очаровывая насъ неистощимымъ богатствомъ природы, онъ столько же чуждъ при нашемъ воззрѣніи на жизнь. Мономахъ Карамзина почти можетъ остаться среди насъ и не быть намъ чуждымъ. Упрекъ Полеваго односторонен, не справедливъ, не говоря уже о невоздержности. Далѣе, Нестора можно сравнить съ Геродотомъ и другими лѣтописцами; всѣ они представляютъ картину своего времени, въ которомъ съ поразительною вѣрностію отражается духъ вѣка; въ нихъ можно черпать не одну ученость, но чистое наслажденіе и истинное знаніе. Тогда какъ историки, замѣчаетъ Лёбе, описывающіе чуждое имъ время, лишены этого безсознательнаго и непосредственнаго соприкосновенія съ вѣкомъ и стоятъ противъ исторіи, отражая событія ея болѣе въ своей личности. Чѣмъ далѣе онъ углубляется въ Лѣтописи, чѣмъ полнѣе и опредѣленнѣе являются передъ нимъ лица, тѣмъ онъ отдаленнѣе и свободнѣе отъ изображаемаго характера. Не то уже представляетъ Іоаннъ III, въ которомъ не видно Карамзина; онъ ясно всмотрѣлся въ самыя тайныя движенія его души, такъ ярко освѣтилъ сложныя пружины этого характера, что его можно сравнить съ тѣми часами, съ которыми Гете сравнивалъ Шекспировы лица: узнаешь по нимъ и время, и видишь дѣйствія пружинъ. Это постепенное освобожденіе, отдѣленіе себя отъ лицъ исторіи лучше всего видно въ Борисѣ Годуновѣ, въ изображеніи котораго

Карамзинъ вѣрное эхо современныхъ лѣтописцевъ. Послѣдніе преслѣдуютъ Годунова съ слѣпою ненавистію; не входя нисколько въ государственный смыслъ его, они смотрѣли съ черной стороны на самыя чистыя намѣренія, насильственно старались обратить на его голову всѣ современныя несчастія, изступленно клянутъ его за вымышленныя злодѣянія. Въ Борисѣ были истинно царскія доблести: глубокомысліе и дальновидность правителя, потребность высшаго образованія, много человѣческаго, прекрасныхъ семейныхъ добродѣтелей; къ несчастію, въ этомъ высокомъ духѣ мучился голодомъ демонъ честолюбія, злой рокъ его: онъ въ высшей степени трагическая личность, добрый, несчастно-преступный, *страдательный* Макбетъ: честолюбивъ, но исполненъ незлобія, хотѣлъ бы безгрѣшнымъ полетомъ вознестись къ престолу, неправаго достигнуть правотою.

Величайшій изъ характеровъ нашей исторіи видѣнъ въ Іоаннѣ Грозномъ, котораго Карамзинъ не объяснилъ удовлетворительно: въ юности игралище страстей и разврата, въ мужествѣ славный и доблестный, въ старости — бичь подданныхъ и злодѣй; а отъ чего, не извѣстно, причины показаны неясно. Подобныя перемѣны характера бываютъ слѣдствіемъ внутренняго переворота, совершаются въ глубинѣ души; мало однѣхъ внѣшнихъ причинъ, чтобы свергнуть благородный духъ съ высоты величія въ бездну паденія! У историка недостаетъ единственно внутренняго содержанія. Едва ли какое-нибудь Европейское государство представляло такую крайность ужаснаго положенія, въ какомъ находилась Россія по смерти Елены. Карамзинъ не представилъ его на ряду съ состояніемъ Западной Европы, поступая впрочемъ такимъ же образомъ во всей Исторіи. Превосходно описалъ это гибельное время Святогорскій инокъ, добродѣтельный узникъ: онъ изобразилъ Россію въ видѣ жены, одѣтой въ рубище, сидящей при пути и окруженной дикими звѣрями. Вотъ въ какомъ зловѣщемъ мракѣ брошена несчастная царственная жертва, семилѣтній отрокъ, дышавшій десять лѣтъ заразительнымъ воздухомъ. Историкъ весьма вѣрно изображаетъ его съ пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, съ особенною силою воли. Но Бояре дѣйствительно были звѣри: наглые съ самимъ Государемъ, они сѣяли неизгладимую месть въ пламенной и глубокой душѣ его: онъ не забылъ написать Курбскому, какъ наглый Шуйскій, положивъ ногу на царское ложе,

дерзко оскорблялъ ласкавшееся къ нему дитя. Другой едва не задушилъ въ глазахъ Царя его же любимца. Непостижимая перемѣна и всѣ лучшія доблести его приписаны исключительно Сильвестру и Адашеву. Какъ громъ, Сильвестръ могъ пробудить силу отъ сна, но вложить ее не можетъ. Она воспрянула въ немъ, какъ широко-крылый орелъ, изъ глубины собственной души. Семнадцатилѣтній Іоаннъ созываетъ Святителей, приноситъ торжественное покаяніе, этого мало, онъ хочетъ открыть очищенную душу свою предъ народомъ, созвалъ изъ всѣхъ городовъ избранныхъ людей, и на лобномъ мѣстѣ говорилъ передъ ними рѣчь: «*Я остался отца своего* четырехъ лѣтъ; а матери своей осьми лѣтъ. Родители о мнѣ небрегли, а сильные мои Бояре и Вельможи о мнѣ не радѣли, сами себѣ саны и чести похищали моимъ именемъ. О неправедные лихоимцы и хищники, что намъ нынѣ отвѣтъ даете, воздвигши на себя многія слезы? Я чистъ отъ крови этой! Люди Божіи, молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь, оставьте другъ другу вражды и тяготы свои; и въ томъ и въ иныхъ вновь я вамъ, елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона!» Это былъ самый свѣтлый, самый великій праздникъ въ жизни Іоанна: Грозный примиряется съ народомъ, хочетъ жить съ нимъ въ любви, править милостію и ходить въ правдѣ; окружаетъ себя друзьями человѣчества, совершаетъ славныя дѣла, мыслитъ о благѣ своей земли: благополучіе народа есть жертва его просвѣтленной души!

Въ 1553 году Іоаннъ безгласно лежалъ на смертномъ одрѣ, отъ изнеможенія не могъ говорить, но былъ въ полной памяти и видѣлъ, съ какимъ безстыдствомъ посягали на святотатство вельможи, какъ бы смѣясь надъ его безсиліемъ: шумѣли, кричали, буйствовали и посмѣялись святой волѣ умирающаго, нагло отказываясь цѣловать крестъ его сыну: пережилъ Грозный ужасъ этого мгновенія, и выздоровѣлъ! Въ душѣ его поселилось подозрѣніе; потомъ родилась въ ней месть, которая долго спала, росла, какъ гидра, и вышла на волю съ кончиной Анастасіи. Изъ всѣхъ ужасовъ, имъ совершенныхъ, достаточно указать на одинъ Новгородъ: въ продолженіи шести недѣль онъ губилъ ежедневно по 1500 и по 1000 жертвъ; тотъ день благодаренъ, говоритъ лѣтописецъ, когда 500, 600 человѣкъ (*). Въ 1565 г.,

(*) И таково горе и мука бысть, отъ неукротимыя ярости царевы, паче же отъ божія гнѣва, грѣхъ ради нашихъ, яко на пять недѣль и болши: по

какъ бы тронутый мольбою народа, онъ въѣхалъ въ Москву изъ Александровской Слободы, и всѣхъ изумилъ своимъ видомъ! Грозный былъ мужественнаго сложенія, величавой и пріятной наружности; въ самомъ зрѣломъ возрастѣ, на 35 году жизни, его не льзя было узнать: на лицѣ изобразилась мрачная свирѣпость; всѣ черты исказились; взоръ угасъ; а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса!

Младенецъ и отрокъ, несчастная жертва олигарховъ и льстецовъ, столь заботливо создававшихъ въ немъ злодѣя, съ ужасомъ просыпается онъ отъ чувственнаго сна на голосъ грозной правды, и чудеснымъ образомъ измѣняется отъ прикосновенія къ прекрасному существу, Анастасіи. Умирающій свидѣтель отвратительной измѣны, безстыдно сорвавшей съ себя личину, онъ выздоравливаетъ мстителемъ, но его удерживаетъ еще ангелъ добра — женщина, которой одной только и вѣруетъ онъ. Съ потерею ея, всѣ казались ему измѣнниками, и онъ сталъ за себя, какъ самъ выразился. Не ложно сознавая въ себѣ человѣка съ рѣдкою силою духа, одареннаго устрашающею упругостію, соглашается съ Курбскимъ, что онъ Сатурнъ, громъ бытія, но сказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и причину: «только бы у меня не отняли юницы моея: инобы Кроновы жертвы не было. А будетъ молвишь: что язъ о томъ не стерпѣлъ, и что ты не сохранилъ: ино вси есмя человѣцы!» Сильная душа его не могла забыть ужаснаго поруганія; потерявши всякую власть надъ собою, опрокинула все святое, мстя пролитіемъ крови правому и неправому; необузданно пошелъ онъ на всѣ злодѣянія, и оттого палъ духомъ, показалъ себя низкимъ и трусомъ, обратился въ Езуита, и удивительно изобразилъ послѣдовательное искаженіе нравственной природы, явившись въ апогеѣ болѣзненнаго недуга чудовищнымъ Сатурномъ, губящимъ дѣтей отечества, а за два года до смерти, собственнаго сына.

И такъ, Исторія Государства Россійскаго есть самое полное и живописное изображеніе нашей прошедшей жизни; она поставлена на твердомъ и незыблемомъ основаніи въ разсужденіи ма-

---

вся дни въ воду вметаше всякаго возраста человѣкъ до тысящи на день, а много дни и до полуторы тысящи, а тотъ убо день благодаренъ, коего дни ввергнутъ въ воду пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ. — Полн. Собр. Русск. Лѣт., томъ III.

теріаловъ; не можетъ назваться и быть не могла исторіею въ высшемъ, философскомъ значеніи. Въ слѣдствіе собственныхъ требованій автора, она явилась въ превосходномъ разсказѣ и неподражаемомъ изображеніи характеровъ. Достоинства и недостатки послѣднихъ произошли изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ: отъ преобладанія художественности, съ одной стороны, историческія лица чрезвычайно оживлены, но въ то же время, не всѣ представлены въ надлежащемъ, собственномъ свѣтѣ. Вторую причину нашли въ прекрасной личности самого писателя: приступая къ нимъ съ глубокимъ сочувствіемъ и любовію художника, умѣлъ влить въ нихъ магнетическую силу, невольно увлекающую читателя; но слишкомъ тѣсно сдружившись со многими, часто уничтожалъ почти всякое различіе относительно духа времени. Наконецъ, при отсутствіи положительнаго и основательнаго опредѣленія характеровъ, онъ возсоздаетъ ихъ въ такой полнотѣ, что читатель долженъ прибѣгнуть къ его же исторіи, для полученія удовлетворительнаго объясненія. Все это высказалъ Пушкинъ въ краткомъ, превосходномъ своемъ приговорѣ: Карамзинъ есть послѣдній изъ лѣтописцевъ и первый изъ историковъ.

Исторія Государства Россійскаго есть великое явленіе въ нашей Литературѣ по характеру художественному; какъ произведеніе изящной кисти, въ эстетическомъ значеніи стоитъ выше, нежели въ ученомъ; она становится на удивительную высоту съ другой стороны, по своимъ великимъ слѣдствіямъ, которыя явились въ Русской Литературѣ. Велика и драгоцѣнна заслуга Карамзина, сдружившаго общество съ Литературою; но не создавши геніальнаго произведенія въ искусствѣ, онъ безсмертенъ тѣмъ, что совершилъ въ немъ же переворотъ и преобразованіе: его исторія положила несокрушимое начало народной Русской Словесности. Она громко протестовала противъ болѣзненнаго подражанія, противъ всѣхъ возвышенныхъ, пустыхъ, безъ содержанія характеровъ, даже противъ бѣдной Лизы и другихъ собственныхъ его героевъ. Они не выдержали, со стыдомъ изчезли передъ тѣмъ рядомъ лицъ, которыя въ величественномъ чинѣ предстали передъ нами изъ міра прошедшаго. Народная фантазія нашла неизсякаемый источникъ въ новооткрытомъ мірѣ жизни, самая дѣйствительность которой, при всей ея немногосторонности, для насъ въ высшей степени зна-

чительна, идеальна. Дальше всѣхъ зашелъ въ этотъ міръ, дотолѣ неприступный, безсмертный Пушкинъ. Онъ остановилъ свой творческій взоръ на тускломъ свѣтѣ, который мерцалъ въ кельи благочестиваго Нестора. Глухой, мертво-равнодушный къ прелестямъ міра инокъ, любя въ немъ единое отечество, мысля угодить Богу, повѣствуя о бурной судьбѣ родной земли, воспламенилъ въ душѣ поэта самое страстное къ себѣ сочувствіе. Съ дѣвственною нѣгою и любовію принялъ Пушкинъ въ лоно своей фантазіи этого инока, похитивши его не съ облаковъ, но спокойно взявши изъ кельи. Онъ не поставилъ его священнаго лика ниже блестящаго вымысла; оставилъ тѣмъ же младенчески-мудрымъ, смиреннымъ духомъ, а потому ясновидящимъ старцемъ; перенесъ только въ другое время, съ благоговѣніемъ поставивъ его передъ утихшимъ моремъ минувшаго.

III.

Языкъ не состоитъ во множествѣ звуковъ, случайно и безсмысленно образовавшихся; присутствіе законовъ, положительныя правила предполагаютъ въ немъ начало разумное, человѣческій смыслъ. На первой степени онъ является массою словъ, въ которыхъ выражаются понятія, овеществляется нашъ умъ. Всѣ видимыя явленія природы, раздробляющіяся на безчисленные ряды особенностей, образующихъ собою отдѣльное цѣлое, исполнены внутренняго содержанія, изчерпываютъ какую нибудь мысль; такъ и слово, особенное вещество, исключительный удѣлъ человѣка, должно изчерпать все внутренне его содержаніе. Въ окружающемъ насъ мірѣ непрерывно совершаются два явленія: организація и жизнь; изъ природы нашего разума, отличеннаго высшею дѣятельностію, безконечнымъ развитіемъ, слѣдуетъ безконечная организація вещества или слова. Отсюда языкъ есть выраженіе умственныхъ силъ, степени образованія, народнаго характера; всѣ особенности умственной жизни находятъ соотвѣтственное выраженіе въ словѣ; ни одно явленіе не обнимаетъ въ такой полнотѣ и всесторонности идеи и видовъ ея, какъ языкъ, ближайшій, непосредственный образъ человѣческаго духа. Здѣсь объ этомъ говорится потому, что мы переходимъ къ исторіи отечественнаго языка, на которой, въ слѣдствіе сказаннаго, должно смотрѣть и съ внѣшней и внутренней стороны. Различіе двухъ половинъ нашей жизни, все противорѣчіе ихъ выразилось столько же и въ языкѣ. Не малое счастіе наше состоитъ въ богатствѣ памятниковъ, изъ которыхъ, въ настоящемъ случаѣ, болѣе всего важенъ одинъ, вполнѣ выражающій характеръ древней жизни, уже близкой къ не-

релому. Онъ стоитъ у порога новаго міра, дошелъ до насъ отъ царственнаго лица, представителя всей древней Руси, отъ отца, столь не похожаго на сына. Здѣсь разумѣется посланіе царя Алексѣя Михайловича, въ которомъ видна вся жизнь вѣка, какъ будто въ слухъ говорящаго передъ нами и обнажающаго свою душу (*). Ни какое повѣствованіе, ни одинъ памятникъ, ни какая лѣтопись не могутъ замѣнить этой драгоцѣнной картины вѣка, во первыхъ, потому, что здѣсь можно подслушать задушевную бесѣду царственнаго лица съ своимъ другомъ, а не читать лѣтописную повѣсть о томъ или о другомъ событіи; во вторыхъ, потому, что этотъ языкъ не взятъ изъ тогдашнихъ памятниковъ, писанныхъ всегда съ образцевъ, стало, не вполнѣ по своему, и не походитъ онъ ни сколько на должностной образъ выраженія, какой встрѣчаемъ у Кошихина и въ актахъ. Это живая рѣчь, которую мы слышимъ изъ устъ перваго представителя своего народа, дошедшая до насъ отъ начала второй половины XVII-го столѣтія. И для историка это посланіе въ высшей степени драгоцѣнно; по немъ онъ можетъ создать картину времени, поразительно вѣрную, опредѣлить характеръ и духъ его, безошибочно изобразить нравственную личность Алексѣя Михайловича. Глубокомысленный испытатель природы, Кювье, создавалъ изъ небольшой кости полный видъ того животнаго, часть котораго она составляла. Историкъ встрѣтитъ въ этомъ памятникѣ гораздо большее количество данныхъ, чтобы возсоздать отдаленную эпоху. Посланіе было писано царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ Никону, въ то время, когда последній былъ Новогородскимъ митрополитомъ, два года спустя послѣ возмущенія (1652). Здѣсь приводится нѣсколько мѣстъ для показанія того, что представлялъ языкъ со стороны мысли и внѣшней формы. Царь разсказываетъ своему *собинному, душевному* и *тѣлесному* другу исторію перенесенія мощей патріарха Іова; въ этомъ религіозномъ торжествѣ народа участвуютъ царь и патріархъ; они идутъ рядомъ, окруженные и тѣснимые безчисленнымъ множествомъ людей.

«И патріархъ нашъ отецъ со мною жаловалъ, плачучи говорилъ: вотъ де смотри государь, каково хорошо за правду стоять

(*) Акты Арх. Экспед. томъ 4, стр. 75.

и по смерти слава; да много плакалъ, мало не во всю дорогу до самаго до собора.»

Черезъ нѣсколько времени, Іосифъ, говорившій такія слова государю, впалъ въ тяжкій недугъ. Вотъ какъ высказываетъ Алексѣй Михайловичъ недоумѣніе свое въ то время, когда собирался къ больному:

«И пріиде мнѣ въ вечеру помышленіе тое же середы, что пойтить къ нему мнѣ навѣстить его, а другое помышленіе мнѣ пріиде, что завтра де побываешь; и Божіимъ изволеніемъ первое то помышленіе гораздо почало понуждать итить къ нему, и благословяся у отца своего духовнаго, пошелъ къ нему тое же среды въ вечеру, и пришелъ къ нему за часъ до вечера, и вывели его одва ко мнѣ, и идетъ мимо меня благословлять Василья Бутурлина, и Василей молвилъ ему: «Государь де стоитъ;» и онъ смотря на меня, спрашиваетъ: «а гдѣ де государь?» и я ему извѣстилъ: «передъ тобою святителемъ стою;» и онъ смотря молвилъ: «поди государь, къ благословенію, да и руку далъ мнѣ поцѣловать, да велѣлъ себя посадить на лавкѣ, а сѣлъ по лѣвую руку у меня, а по правую не сѣлъ и сажалъ да не сѣлъ; а вышелъ ко мнѣ, знать, въ самомъ зломъ знобу, какъ почело его знобить, а онъ и вышелъ ко мнѣ; да спросилъ я его святителя про болѣзнь: какая болѣзнь? и онъ сказалъ: «лихорадка де знобитъ и тепере;» а говоритъ съ забытью, а иное замолчитъ да долго не говоритъ, а лихорадка та его какъ не подымая знобитъ; и я учалъ ему говорить: «такое то, великой святитель, наше житье вчерась здорово, а нынѣ мертвы;» и онъ государь молвилъ: «ахъ де, царь государь! какъ человѣкъ здоровъ, такъ де мыслитъ живое, а какъ де приметъ, инъ де не до чего станетъ:» и я ему свѣту молвилъ: «не гораздо ли, государь, домогаешь?» и онъ молвилъ, какъ есть скрозь зубы; «знать де что врагуша трясетъ, и губы окинула, чаю де покинетъ, и лѣтось такъ же была.»

Царь былъ свидѣтелемъ предсмертной борьбы патріарха; объясняя это явленіе съ религіозной стороны, такъ выражаетъ свои мистическія вѣрованія:

«Не упомню гдѣ я читалъ: передъ разлученіемъ отъ тѣла видитъ человѣкъ вся своя добрыя и злыя дѣла; и молвилъ я отцу духовному: видитъ отецъ нашъ нѣкакое видѣнье, и онъ молвилъ: «нѣтъ де, полна де, въ нецевенѣ такъ смотритъ,» и

я молвилъ: «смотри, что будетъ, и самъ не знаешь, что говоришь.» И молвилъ я отцу своему духовному: видитъ нѣкакое видѣнье; и онъ молвилъ: видитъ де нѣчто.»

Остается привести еще два мѣста, совершенно обнажающія все младенчество души его и характеръ нравственности; тѣло патріарха уже было перенесено въ соборъ, царь пришелъ туда ночью съ царевнами, которыхъ, по тогдашнему обычаю, никому не дозволялось видѣть; по этому онъ прежде вступаетъ одинъ, находитъ единственнаго священника, неумѣренно громко читавшаго надъ покойникомъ, и спрашиваетъ его: «для чего ты не по подобію говоришь? Меня страхъ взялъ, я де чаялъ ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать. И меня прости, (говоритъ царь Никону), владыка святой, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; да и мнѣ пріиде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавитъ; и я перекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего боятися?»

Алексѣй Михайловичъ приказалъ всѣмъ слугамъ патріарха собраться въ крестовой, раздавалъ имъ милостыню, уговаривая не роптать на святителя, а молиться за него, и такъ пишетъ объ этомъ своему другу: «А не дать было имъ и не потѣшить деньгами тѣми, роптанью большому было быть, потому что въ конецъ бѣдны, и онъ *свѣтъ* у нихъ жалованья гораздо много убавилъ.»

Какія удивительныя противоположности слиты въ этомъ посланіи! Картина изображена живо, со всею строгою послѣдовательностію дѣйствій и мыслей; въ ней осязательна свѣжесть душевныхъ силъ, изумительна память, которая выставляется въ повтореніи всѣхъ разговоровъ и подробностей, ни сколько не затемняющихъ цѣлаго; это рѣчь здраваго и чрезвычайно свѣтлаго смысла. Съ другой стороны, видимъ языкъ непосредственнаго чувства природы, такъ говоритъ естественный разумъ, въ первобытномъ своемъ видѣ, чуждый сознанія и всякаго ученаго образованія; онъ безусловно покоренъ религіозному чувству, вѣруетъ въ происхожденіе чистыхъ внушеній отъ Бога, но смущается также силою врага, который имѣетъ доступъ къ человѣку, и посылаетъ злыя мысли, нежеланье идти къ больному и нечистую мысль бѣжать изъ храма.

Это посланіе исполнено патріархальной простоты нравовъ; въ словахъ его высказалась душа безсознательно искренняя, съ чуждымъ намъ воззрѣніемъ на жизнь, съ младенческимъ чистосердечіемъ, которое въ настоящее время можетъ казаться забавнымъ. Далѣе, это языкъ чисто народный, до того живой и разговорный, что видишь передъ собою говорящія лица, а не письменное изложеніе; притомъ простой, общій и царю и послѣднему поселянину. Нѣтъ ни одного мѣста, которое бы приводилось для поясненія не изъ простаго тогдашняго быта, нравовъ жизни и предметовъ окружающихъ. Кто же можетъ подумать, чтобы царь Русскаго народа, могъ говорить такимъ языкомъ и употреблять сравненія до такой степени простыя, какъ встрѣчаются въ посланіи? Вотъ какъ изображается умирающій патріархъ: «Началъ хорониться и жаться добрѣ въ уголъ: походило добрѣ на то, какъ кто кого бьетъ, а кого бьютъ, такъ тотъ закрывается, такъ то надъ нимъ святителемъ было.»

Слѣдующее столѣтіе, озаренное геніемъ сына, должно было возмужать, сгладить этѣ прекрасныя черты и принести ихъ въ жертву Европейскому образованію, безъ сомнѣнія высшему, но коснувшемуся самомалѣйшей части государства, которая оторвалась отъ народа, оставила его назади, поневолѣ заняла многое у другихъ и развелась съ простымъ языкомъ. Изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, Русскіе и Поляки представляютъ такое разногласіе, прочія племена, особенно Сербы, пишутъ до сихъ поръ точно такъ, какъ говорятъ. Потерявши естественность и простоту, мы не могли возвратить ее во всей полнотѣ; одни геніальные писатели прислушивались къ простому разговору и, только съ осторожностію, по каплѣ черпали изъ этого живаго источника, и то не безъ нареканія. Вспомнимъ Пушкина, который долженъ былъ отвѣчать на возраженія недовольныхъ, находившихъ слишкомъ дикими, даже небывалыми прекрасныя простыя выраженія: людская молвь и конскій топъ. Были покушенія перевести Иліаду на простой Русскій языкъ, тѣснѣе всѣхъ Европейскихъ связанный съ Греческимъ, выходило смѣшное: въ Греческихъ вождяхъ, исполненныхъ величія, увидѣли нашихъ добрыхъ простыхъ поселянъ! Мы впали въ самое неестественное противорѣчіе съ самими собою; намъ показалось смѣшнымъ родное слово; мы смотримъ на него съ гордымъ презрѣніемъ, заводимъ о немъ рѣчь съ высоты величія, когда

хотимъ надъ кѣмъ нибудь посмѣяться. Оно находило себѣ прибѣжище, по видимому, въ смиренномъ кругу, гдѣ возлелѣялъ и приголубилъ его мужъ, исполненный высокой простоты души, истинный цѣнитель старины, такъ справедливо названный Дѣдушкой Крыловымъ. Прежде, простой языкъ принадлежалъ не однимъ лицамъ басни, не отрывочными выраженіями занималъ мѣсто; въ концѣ XVII вѣка, такимъ языкомъ говорили всѣ Русскіе. Должно замѣтить, что здѣсь разсматривается одно явленіе, которое дѣйствительно было таково; остается показать причину, другаго въ виду нѣтъ; притомъ, современный языкъ не могъ быть языкомъ XVII в.; прошелъ бы много измѣненій; но развиваясь безъ посторонняго содѣйствія, не былъ бы въ такомъ разладѣ съ древнимъ, не составлялъ бы избранной средины между *Французскимъ* и *Нижегородскимъ*, языкомъ высшаго общества и низшаго.

Ни какое внѣшнее вліяніе не можетъ сравниться съ внутреннимъ; оттого новый умственный міръ, въ который мы введены Петромъ, былъ причиною великаго переворота, отразившагося въ языкѣ. Слѣдовательно, первая причина измѣненія языка заключается въ приливѣ идей, новыхъ разнообразнымъ свѣдѣній, составляющихъ переходъ къ скорой, какъ бы упрежденной возмужалости нашей; вторая въ нашествіи Кіевскихъ писателей; третья, самая гибельная, въ рабскомъ подражаніи, слѣдствіемъ котораго былъ совершенный разрывъ лучшаго общества съ народнымъ языкомъ. При первомъ вступленіи въ новый міръ жизни, насъ поражаетъ ужасный хаосъ, и единственное утѣшеніе здѣсь въ томъ, что надъ этою тьмою еще носится зиждительный духъ Петра. Какое множество иностранныхъ словъ внесено было въ нашъ языкъ; отечественныя реченія пересѣкаются со всѣхъ сторонъ Латинскими, Голландскими, Нѣмецкими, Французскими словами; многія изъ нихъ испорчены и передѣланы на странный ладъ: *електусъ*, *сумплементъ*, *девоція*, *шаутъбейнахтъ*, *транжаментъ*, *десантъ*, *шамадъ*, *фортеція*, *арїргардъ*, *ассамблея*, *скампавея*, *шхерботъ*, *фашінъ*, *сікурсъ*, *едікулъ* и множество другихъ.

Стоитъ только обратить вниманіе на первыя Вѣдомости, появившіяся въ началѣ XVIII столѣтія, чтобы видѣть, какому искаженію подвергается нашъ языкъ относительно реченій и построенія. Въ первый разъ Славянское слово становится наря-

ду съ чисто Русскимъ, являющимся въ такомъ видѣ, какъ оно произносилось; въ слѣдъ за этимъ встрѣчается иностранное, и передъ читателемъ попеременно мелькаютъ церковникъ, простолюдинъ и Нѣмецъ. Притомъ, самая большая часть извѣстій переводилась съ иностранныхъ языковъ, само собою разумѣется, безъ всякаго вниманія на характеръ нашего, на слогъ его, и русскій періодъ тянется, какъ обозъ, безпорядочно нагруженный, безпрестанно сбиваясь съ своей колеи. Не рѣдко встрѣчаются искаженія, обличающія порабощенный переводъ; по характеру построенія, иногда напоминающаго страшный приступъ знаменитой рѣчи Ломоносова, безъ труда можно узнать языкъ подлинника. По этому, весьма занимательно повѣрить сказанное примѣрами, не столь общеизвѣстными, какъ языкъ всѣмъ намъ знакомыхъ писателей. Здѣсь приведены разныя мѣста изъ первыхъ Русскихъ Вѣдомостей, вышедшихъ при Петрѣ Великомъ, въ 1705 г.; изъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей, которыя начали издаваться при Академіи Наукъ, при Петрѣ II, съ 1728; наконецъ примѣра два изъ нихъ же, въ царствованіе Анны 1740 г.

Изъ Москвы Декабря въ 30 день. Вчера Его царское величество славный свой приходъ великимъ убраніемъ управилъ, и въ Москвѣ семеры славные тріумфальныя врата построены, и изряднымъ вымышленіемъ украшены, такожде отъ непріятеля взятые пушки и можжеры привезены, знамена, прапоры, и корабельные флаги и вимпелы (знамена болшіе и малые) по земли волочены, и при томъ въ полонъ взятые непріятельскіе офицеры ведены. — На Москвѣ лѣта Господня 1705. Марта въ 4 день.

Изъ Вѣны Мая въ 30 день, 1705. — У цесарскаго Двора разговоръ былъ, какими мѣрами бунтовому дѣлу способствовать, понеже все чаянное помиреніе съ ними изошло, еще непрестанно набѣги чинятъ, и недавно бунтовщиковъ шестьдесятъ человѣкъ у торговыхъ людей пятнатьцеть тысячь гулденъ отняли.

Изъ Гамбурхажъ отъ 14 Декабря, въ 1717 году. Имѣемъ подлінную вѣдомость, что Швецкіхъ 6 караблей по 60 и по 64 пушекъ вскорѣ имѣетъ вытти въ море, на которыхъ отъ 7 до 8000 человѣкъ имѣетъ быть, а куды десантъ будетъ учіненъ съ сіми людми о семъ вѣдать еще не извѣстно, между тѣмъ одинъ

корабль во 64 пушки небреженіемъ купно и съ 200 человѣкъ подорвало.

Изъ Гамбурга отъ 3 дня Генваря, 1728 года. — Партикулярные писма изъ Копенгагена явствуютъ, коимъ образомъ комерціи со Швеціею вновь восприняты, и при томъ *уговоренось*, чтобъ назначенные въ Гишпанію и Португаллію купецкіе корабли отъ обѣихъ народовъ всегда соединить, и флотилу здѣлать, дабы оной толь сильнѣе, и отъ Алгирскихъ каперовъ безопасной быть. Какая эскадра уже подлинно въ море пошла и зундъ минула. Напротивъ того имѣютъ комерціи съ городомъ Лібекомъ чрезъ публичный указъ весма запрещены, и купцамъ повелѣно быть, всѣ ихъ товары изъ первой руки принимать.

Изъ Болоніи отъ 4 дня Декабря, 1728 года. — О супругѣ претендента которая уже предъ давнымъ времянемъ къ родинамъ своимъ разныя пріуготовленія чинить велѣла, носится нынѣ слухъ, что она токмо отъ нѣсколькихъ мѣсяцов чревата стала.

Іюня 20, 1740 года. — По полудни должны были штатскія и придворныя дамы по учиненной имъ о томъ повѣсткѣ, пріѣзжать на балъ и на ужинъ въ робахъ, равнымъ же образомъ званы были къ тому и королевской Французской господинъ посолъ Марки де ла Шетарди и прочіе чужестранные господа министры.

На первой картинѣ съ правой стороны храма изображенъ былъ камень съ стоящимъ на немъ золотымъ щитомъ, на которомъ было Высочайшее имя Ея Императорскаго Величества. — Надъ онымъ держали двѣ фамы одною рукою Императорскую корону, а другою приложенную къ устамъ слуховую трубу. — Вверху видно было въ сіяніи имя Божіе, помянутый щитъ освѣщающее, а подлѣ сего камня съ правой стороны стояло Благополучіе, держащее рогъ изобилія преизрядными плодами наполненный. Съ лѣвой стороны находилась Мудрость, имѣющая зрительную трубу, а надъ тѣмъ видѣнъ былъ летящій свитокъ, на которомъ положенная надпись склонялась какъ до помянутыхъ изображеній, такъ и до стоящей подлѣ той стороны при Минервиномъ храмѣ статуи мира и содержала слѣдующія слова: Божескимъ благословеніемъ вѣчно пребудетъ.

Нынѣшнія Вѣнскія письма обнадеживаютъ, что о Турецкихъ набѣгахъ на Темесварской баннатъ, и о возмущеніи та-

мошнихъ жителей подлинное подтвержденіе получено, которая вѣдомость Цесарскому двору не малое беспокойство причиняетъ, для того что армѣя намѣрена была на винтеръ квартиры итти, а нынѣ назадъ возвратиться принуждена, дабы Турецкаго нападенія какъ возможно недопускать чрезъ что и безъ того утружденныя люди и лошади еще больше обеспокоены будутъ.

О бракахъ въ Греціи. — Ни которое мѣсто такою мерзостною комерціею, и пагубными товарами, такъ славно не было: какъ Коринѳъ. Тамъ то уже Венера главной храмъ всякой нечистоты, и вертепъ пакостей имѣла: и столько отъ него доходу получала, что нѣкоторая славная сего идолапоклонница, именемъ Фріна родомъ изъ Тебеса, хотѣла весь сей, разныя нещастія претерпѣвшей городъ вновь построить, а особливо каменныя стѣны ево, своимъ иждивеніемъ здѣлать: ежели бы только на воротахъ сію надпись положили. Великой Александръ меня разорилъ: а раскошная Фріна обновила. — Примѣчаніи на Вѣдомости часть 6. Генваря 18, 1740.

Правда, и въ это время есть у насъ образецъ особеннаго слога, весьма выразительнаго языка, но и въ немъ иностранная стихія заняла уже довольно мѣста; это сочиненіе, къ сожалѣнію напечатанное позднѣе (1770), принадлежитъ Государю Петру I, и было издано Княземъ Шербатовымъ подъ именемъ Журнала, или поденной записки. Вторая важная порча пришла къ намъ съ Юга. Польша, праздновавшая золотой вѣкъ своей литературы, внесла въ сердце отторженной Малороссіи, съ учрежденіемъ Кіевской Академіи, Латинскую стихію, направленіе схоластическое. Она старалась насильственными мѣрами обратить Югъ къ Уніи и произвела сильную нравственную борьбу, необыкновенную дѣятельность умовъ. Этотъ дѣятельный характеръ выразился въ разностороннемъ направленіи умственныхъ силъ, преимущественно въ полемическомъ, и представляетъ особенное мгновеніе нашей жизни. Борьба разнородныхъ стихій и разноплеменныхъ ученыхъ выразилась въ нестройной и пестрой смѣси языка, повредившаго сѣверному, который отличался единствомъ. Испорченнымъ языкомъ говорили самые образованные люди; по этому, знаменитые мужи содѣйствовавшіе Преобразователю, въ свою очередь, внесли большую порчу въ народный языкъ. Рѣчи Ѳеофана Прокоповича читались бы съ восхищеніемъ и теперь, если бы странный языкъ не оставилъ ихъ въ

рукахъ однихъ ученыхъ. У него не только строеніе Латинское, множество выраженій, формъ, особенно при восклицаніяхъ, поставлены въ духѣ Латинской Граматики; слова онъ бралъ вездѣ, гдѣ только попадались, сверхъ упомянутыхъ, есть много Польскихъ и Малороссійскихъ. Рѣчь Яворскаго чище Ѳеофановой, чрезвычайно проста, даже налаживается на простонародное нарѣчіе, но та же смѣсь Священнаго языка съ Малороссійскимъ. И у Бужинскаго встрѣчаются тѣ же недостатки, хотя весьма рѣдко; онъ отличается особенною странностію, не свойственною намъ и довольно тяжелою постройкою рѣчи. Тредьяковскій старается возстановить чистоту языка, но самъ не рѣдко искажаетъ его; должно впрочемъ отдать ему справедливость: гдѣ онъ разсуждаетъ, какъ ученый, языкъ его весьма хорошъ; небольшой примѣръ можно видѣть въ приведенномъ отрывкѣ изъ его Мнѣнія о началѣ поэзіи и стиховъ вообще. Иногда онъ хочетъ образовать Русскія слова по духу древнихъ языковъ, переводя буквально понятія ихъ на отечественныя реченія: парафрасисъ (проиложеніе), метафрасісъ (преложеніе), катаракты (речныя пороги), мѣрнострастіе (μετριοπάθεια); или просто беретъ чужое, то самъ выдумаетъ слово, объяснивши на сторонѣ значеніе его другимъ, также своего издѣлія; желая въ одномъ изъ стихотворныхъ произведеній дать особенный оттѣнокъ гордости, онъ написалъ: юноша пыщъ, а на сторонѣ поставилъ объясненіе этого слова: дутикъ.

Рѣчи Кіевскихъ проповѣдниковъ, иноземныя слова, стихія Славянская, съ которой не умѣли сладить, языкъ Тредьяковскаго, духъ познаній, Латинская ученость, искаженная схоластикой, словомъ, хаосъ царствовалъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ этомъ неустроенномъ стихійномъ мірѣ отечественнаго языка поставленъ былъ Ломоносовъ. Когда Великій Преобразователь, благословивъ Россію, началъ жить въ безсмертіи, крестьянскій мальчикъ плавалъ на чайкѣ по Сѣверному Океану, помогая отцу ловить рыбу; гонимый своей волей, какъ неумолимымъ рокомъ, онъ проходитъ множество крушеній и бурь, и на чужбинѣ, въ пристани временнаго счастія, отзывается неслыханной музыкой на славную побѣду Русскаго оружія. Этимъ созданіемъ онъ не былъ обязанъ ни Тредьяковскому, который не могъ его испортить, ни Кантемиру, котораго онъ не читалъ. — Онъ первый обращаетъ философскій взоръ на свой

языкъ, глубоко постигаетъ его генiй, силу, богатство, и выражается о немъ съ самоувѣренностiю, въ тогдашнее время удивительною: «Русскiй языкъ великъ передъ всѣми въ Европѣ; невѣроятнымъ покажется это иностраннымъ и нѣкоторымъ природнымъ Россiянамъ, которые болѣе къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему трудовъ прилагаютъ. Меня долговременная опытность въ томъ увѣряетъ. Тончайшiя философскiя изображенiя, многоразличныя свойства и перемѣны, бывающiя въ семъ видимомъ строенiи мiра, и въ человѣческихъ обращенiяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающiя рѣчи. И ежели чего только изобразить не можемъ; не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искуству приписывать долженствуетъ.» Постигнувъ духъ природнаго языка, онъ написалъ превосходную теорiю его, отдѣлилъ отъ Священнаго и установилъ навсегда особенныя формы. Съ самаго дѣтства онъ воспитывался на языкѣ Священномъ и былъ проникнутъ его внутреннею силою; какъ наслѣдникъ богатаго родителя, сходнаго съ нимъ въ главныхъ чертахъ, беретъ изъ него собственное достоянiе. По этому, принявъ въ основанiе первообразность Священнаго языка, указывая на осторожное, благотворное заимствованiе, изгоняя всѣ иностранныя слова, онъ представляетъ лучшiй образецъ подобнаго выбора и соединенiя; изъ этихъ основныхъ стихiй создаетъ музыку, гармонiю, никому еще невѣдомую. Не должно забывать, что онъ учился въ школѣ древнихъ, его увлекали Демосѳенъ, Цицеронъ и Плинiй; оттого языкъ преобразователя, въ разсужденiи реченiй, представляетъ образецъ, художественное соединенiе Священнаго языка и Русскаго; но въ своемъ характерѣ, движенiи и построенiи чисто Латинскiй. Невольно спрашиваешь, отъ чего Ломоносовъ, съ самаго дѣтства до зрѣлой юности, говорившiй простымъ, чисто народнымъ языкомъ, олицетворенный Русскiй духъ, явившiйся на высотѣ изъ самой глубины народности, позабылъ совершенно его характеръ, родовыя свойства и облекъ въ такую странную одежду? Несомнѣнно, что онъ былъ увлеченъ изяществомъ формъ и гармонiей Римской рѣчи, которою заглушилъ свою родную; въ этомъ состояла единственная неудача; но для современниковъ и потомства онъ сталъ во всемъ образцемъ; слѣдовало довершить начатое, но было не такъ: одни послѣдовали за нимъ слѣпо, другiе пошли въ противную сторону. Это несчастiе усилилось горшею бѣдою, на

которую указано выше, какъ на третью и самую гибельную причину зла, подражаніемъ. Здѣсь мы въ крайнемъ противорѣчіи съ Французами, ошибки которыхъ невредили нисколько, или весьма мало имъ самимъ; въ нѣкоторомъ отношеніи были спасительны; содѣйствовали къ исключительному развитію личности, въ жертву которой они принесли все. У насъ опять все превратно. Мы должны снова обратиться къ блестящему вѣку Людовика XIV и, путемъ чуждыхъ совершенствъ, объяснить собственныя ошибки. Замѣчено, что умственныя силы были тамъ въ самомъ счастливомъ состояніи; это было время религіознаго настроенія, торжествующей монархіи, критики и поэтическаго восторга, навѣяннаго духомъ древности; на всѣхъ путяхъ умственной жизни обработывается Французскій языкъ, несамостоятельный, бѣдный отъ природы. Его образовываютъ и поставляютъ на высокую степень совершенства дворъ, средоточіе изящнаго вкуса, геніальные писатели и высшее общество; къ довершенію всего, Парламентъ и Король утверждаютъ Французскую Академію, учрежденную знаменитымъ Кардиналомъ. Плодомъ этого безсмертнаго учрежденія былъ Словарь, имѣвшій цѣлію установить опредѣленность и строгую правильность Французскаго языка. Успѣхи были блистательные, необыкновенные: En fait de langue, говоритъ Курье, il n'est femmelte du siècle de Louis XIV, qui n'en remontrât aux Rousseau et aux Buffon. Между тѣмъ, Французы знали хорошо природную бѣдность своего языка; иногда говорили объ немъ и безъ уваженія: Notre langue est une gueuse fière à laquelle il faut faire l'aumône malgré elle. Такъ отзываются объ немъ въ XVIII столѣтіи, ни сколько не уменьшая славы тѣхъ, которые содѣйствовали его блестящему образованію. И Французы стяжали упоительную награду за благородную любовь къ родному слову; этотъ языкъ раздается во всѣхъ странахъ свѣта, у Европейцевъ онъ почти свой, а у насъ долгое время могъ затмѣвать всѣ нравственныя совершенства и покрывать всю душевную пустоту. Поставляя въ параллель съ Французскимъ языкомъ нашъ отечественный, встрѣчаемъ слѣдующія явленія: при дворѣ у насъ говорили на разныхъ языкахъ Европейскихъ, исключая свой родной; писатели сначала искажаютъ его общими силами, потомъ вступаютъ въ борьбу, вредя ни сколько не менѣе; высшее общество парализируетъ его въ зародышѣ; съ постыднымъ восторгомъ слушаетъ варвар-

скіе звуки въ первыхъ словахъ младенца, еще не ясно отдѣляющихся отъ лепета; едва несовершаетъ сыноубійства, поручая своихъ дѣтей съ юнаго ногтя иностранцамъ, и продолжаетъ говорить не по своему за предѣлами обозрѣваемаго времени. Весьма замѣчателенъ отзывъ одного Француза, бывшаго у насъ при посольской свитѣ въ царствованіе Елисаветы, приведенный еще Шишковымъ :

«Nous fûmes étonnés et affligés de trouver chez beaucoup de grands seigneurs des déserteurs, des banqueroutiers, des libertins, et beaucoup de femmes du même genre, qui, par la prévention que l'on a en faveur des Français, étaient chargés de l'éducation des enfants de la plus grande importance.»

Послѣдняя противоположность съ Франціей: ни въ одномъ иностранномъ государствѣ не говорятъ и почти знать не хотятъ по-Русски. И такъ, три объясненныя причины, ставшія непроходимою стѣною между народомъ и образованными его представителями, не только разорвали всякую связь перваго съ послѣдними, даже въ самомъ образованномъ кругу произвели разногласіе. Простой народный языкъ, отвергнутый обществомъ, не воздѣлывался, не очищался, а потому остался въ низкомъ кругу, погрузился на самое дно и заставленъ былъ чувственными, житейскими предметами; лучшее общество, которое могло наложить на него печать граціи, всего что въ немъ было прекраснаго, не сдѣлало ни какой услуги отечественной рѣчи, нанесло ей непростительное оскорбленіе, не говорило по своему; образованные и ученые люди говорили такъ, а писали иначе; въ этомъ послѣднемъ разрядѣ нашелъ себѣ пристанище Русскій языкъ, но явился тоже въ двухъ видахъ : письменномъ, книжномъ и разговорномъ. Никто не имѣлъ передъ собою достойнаго образца; каждый хотѣлъ, долженъ былъ писать по своему; оттого, кто хорошо говоритъ по-Русски, тотъ думаетъ, и въ это же время выработываетъ свой языкъ; во Франціи, а слѣдовательно, и въ нашемъ обществѣ, говорящемъ по-Французски, это не всегда бываетъ. Должно замѣтить, что на такое дикое явленіе указала еще прежде геніальная Екатерина : читая безъименные вопросы, она нашла одинъ объ языкѣ слѣдующаго содержанія : отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительно и ясно, а у насъ преострые люди часто пишутъ безтолково? Оттого, написала Госуда-

рыня, что тамъ, учась слогу, одинаково пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои не учась на бумагу кладетъ. И такъ, нельзя было и думать о примиреніи народа съ представителями образованія, оставалась одна надежда, предстояла наконецъ необходимость, важная задача — примирить общество съ своимъ роднымъ языкомъ, открыть его въ новомъ и лучшемъвидѣ. Откуда же его взять? Выдумать его не льзя, составить по образцу невозможно, хотя и есть такое странное мнѣніе о нашемъ Священномъ языкѣ; произволъ здѣсь безплоденъ, ничтоженъ, вреденъ. Видѣли уже, что языкъ, какъ духъ нашъ, можетъ только развиваться изъ собственныхъ силъ, и когда его совращали съ природнаго пути, насиловали характеръ, тогда изъ свободнаго, прекраснаго, онъ являлся жалко послушнымъ и уродливымъ. Оставалось постигнуть его характеръ и возвратить въ цѣлости законному владѣтелю достояніе, беззаконно расточенное. Эту великую задачу понялъ и разрѣшилъ Карамзинъ, довершившій подвигъ Ломоносова. Здѣсь не говорится о поэтическомъ языкѣ, образцемъ котораго могутъ служить оды Ломоносова, другіе лучшіе поэты; необходимъ былъ языкъ прозаическій, разговорный, въ которомъ всѣ чувствовали недостатокъ. Мы слышали очень рано справедливыя, но безплодныя жалобы на искаженіе роднаго слова; онѣ начались вмѣстѣ съ порчею; послѣ Тредьяковскаго, выражали неудовольствіе и другіе. Достойнѣйшій защитникъ, оказавшій своему языку неизчислимыя услуги, былъ безъ сомнѣнія Ломоносовъ. За нимъ идетъ Сумароковъ, который съ негодованіемъ преслѣдуетъ варварскія слова и выраженія, наводняющія нашъ языкъ; самъ лично нисколько не помогъ всеобщему злу, скорѣе содѣйствовалъ послѣднему; въ немъ мало, почти совсѣмъ нѣтъ иностранныхъ словъ, но его испортилъ иностранный духъ; мы говорили уже о языкѣ трагическихъ лицъ этаго писателя; въ другихъ сочиненіяхъ онъ также оскорбляетъ не рѣдко. И Новиковъ жалуется на то, что къ намъ отовсюду собираются чуждыя выраженія, не въ духѣ нашего образа мыслей; нападаетъ на странныя нововведенія, стараясь изобразить ихъ въ самомъ смѣшномъ видѣ, не смотря на то, осуждаемыя и вредныя новизны вкрадывались постоянно. Необходимо было сильнѣйшее противоядіе, должно было не жаловаться, а дѣйствовать, притомъ соединенными силами, послѣдовательно и постоянно: на это тре-

бованіе отвѣчалъ главный дѣятель въ великомъ измѣненіи — Московскій Университетъ. Юные умы, жаждущіе познаній стекаются сюда отовсюду, со всѣхъ концевъ Россіи; сначала они представляютъ странное различіе нарѣчій, выговора, словъ, совершенный хаосъ; но тутъ же и сдружаются: ихъ примиряетъ образованіе, очищенный языкъ, съ которымъ они и выходятъ, сообщая ему правильныя, болѣе изящныя формы. Въ немъ воспитываются Ф. Визинъ. Подшиваловъ и Муравьевъ. Первый пишетъ комедіи простымъ языкомъ, хотя исключительнымъ, слишкомъ частнымъ; другой считается лучшимъ переводчикомъ своего времени; но построеніе рѣчи, языкъ и слогъ еще далеки отъ изящества, гармоніи и свободы; Муравьевъ выходитъ съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, онъ напитанъ духомъ древнихъ, превосходно знаетъ Романтическую Литературу; преподаетъ юному Александру отечественную Словесность; пишетъ чистою и правильною прозою; но предметы, имъ изображаемые, не того круга, не для всѣхъ равно занимательны; посредствомъ ихъ нельзя было сблизиться съ обществомъ. Наконецъ мы подошли къ самому Карамзину, весьма многимъ обязанному первому Русскому Университету. Воспитаніе юности его было совершенно русское; тогда онъ ознакомился съ Нѣмецкимъ языкомъ, зналъ также Французскій и Англійскій, въ позднѣйшее время пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ Латинскомъ и Греческомъ; началъ съ переводовъ, и по первымъ, довольно слабымъ опытамъ, не возможно предполагать того совершенства, котораго онъ достигъ въ мужествѣ. Въ письмахъ Русскаго Путешественника изображаются всѣмъ доступные, для всѣхъ занимательные предметы; оттого онѣ встрѣтили всеобщее сочувствіе, всѣ безъ исключенія читали ихъ съ наслажденіемъ. Строго судя, онѣ не вездѣ отличаются правильностію языка, отчасти справедливо упрекаютъ его въ Галлицизмахъ; отъ чего же и въ настоящее время онѣ не потеряли своего достоинства? Взявши книгу, видно, что не современно, не такъ, какъ пишутъ теперь и съ трудомъ отрываешься, продолжая читать съ возрастающимъ любопытствомъ. Справедливо приписываютъ такой успѣхъ новому построенію рѣчи, болѣе сходному съ живыми языками; но тоже самое находимъ въ письмахъ Ф. Визина, переводахъ Подшивалова, особенно въ сочиненіяхъ Муравьева, который, въ этомъ отношеніи, выше ихъ всѣхъ, представляетъ

своего рода совершенство. Можно построить самую правильную рѣчь, сообщить ей чистоту, изгнавъ всѣ иностранныя слова, и она не произведетъ такого вліянія на душу, какое имѣетъ языкъ Карамзина. Причина скрывается глубже: душа юнаго писателя была одарена счастливымъ внутреннимъ образованіемъ; богатая всѣми духовными силами, облагороженная и согрѣтая чувствомъ прекраснаго, была исполнена гармоніи, которая непосредственно излилась въ звукахъ, осталась въ нихъ задержанною и окованною; ея присутствіе слышно въ стройномъ ладу и музыкальномъ теченіи; она явилась въ новомъ, небываломъ видѣ: благозвучіи и легкости слога. Слогъ Карамзина есть даръ его природы, и новое явленіе въ исторіи нашего языка. Видно было, какое вліяніе произвели на общество повѣсти его; нетолько читали ихъ съ восхищеніемъ, но заучивали и повторяли многія музыкальныя выраженія. Карамзинъ на этомъ по счастію не остановился; великая мысль, давно тревожившая его душу, открыла путь къ новому подвигу; вооружась всѣмъ необходимымъ для такого далекаго пути, онъ напалъ на самую чистую, живую струю народной рѣчи; долго къ ней прислушивался, по всѣмъ столѣтіямъ, почуялъ въ ней живой Русскій духъ, ощутилъ его въ глубинѣ собственной души, былъ потрясенъ энергическимъ восторгомъ, вполнѣ постигъ характеръ народнаго языка, и началъ говорить на немъ отъ всего Русскаго народа. Въ началѣ этого подвига возникла сильная борьба, въ слѣдствіе распространившагося Французскаго вліянія, дошедшаго дѣйствительно до крайности: многіе бросившись безъ толку подражать Карамзину, вносили въ нашъ языкъ странныя, нелѣпыя новизны; нашлись люди, которые, стоя подъ защитою его имени, назвали это болѣзненное явленіе періодомъ пріятности слога, вполнѣ обозначивъ его характеръ чуждымъ словамъ élégance, въ противоположность Славянорусскому направленію. Это возмутило почтеннаго поборника старины, Шишкова; сильно преслѣдуя нововведенія, онъ подробно исчисляетъ несообразности и съ рѣдкой энергіей защищаетъ права роднаго языка: начну читать, и вездѣ наткнусь на иностранное слово: вездѣ вмѣсто явленія нахожу сцену; вмѣсто дѣйствія, актъ; вмѣсто унынія или задумчивости, меланхолію; вмѣсто вѣры, религію; индѣ, чтобъ разумѣть Русское слово, должно мнѣ приводить на память Французскій языкъ. Мы, наполняя сочиненія свои

гилью, кричимъ важно и спѣсиво; это языкъ Лафатера, Канта, Оссіана, Стерна! Да чей бы онъ ни былъ, надобно, чтобъ онъ былъ вразумителенъ и ясенъ; а безъ того и Лафатеръ будетъ для меня враль.»

Книга эта вышла подъ названіемъ, вполнѣ выражавшимъ два господствовавшія направленія: О старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка; за исключеніемъ крайностей, очень понятныхъ, она была утѣшительнымъ явленіемъ, обратила на себя всеобщее вниманіе. Писатели раздѣлились на двѣ стороны; одна со всѣмъ ожесточеніемъ преслѣдовала нововводителей, другая усердно стояла за Карамзина. Онъ молчалъ, и не безъ причины. Благоговѣйно сближаясь съ прошедшею жизнію своего отечества, онъ прикасается къ ветхимъ хартіямъ; передъ нимъ открылось необозримое пространство; онъ жадно читаетъ Лѣтописи; съ изумленіемъ слышитъ голосъ предковъ изъ за могилы, которые предстали предъ нимъ, какъ живые. Здѣсь онъ открылъ глубокій, неизсякаемый источникъ, занесенный вѣковымъ наносомъ, и никому дотолѣ неизвѣстный; многіе проходили мимо этого родника, не остановили на немъ своего вниманія, черпали изъ него, не смотря на мутную поверхность, безъ всякаго умѣнья, приносили одну нечистоту, которая, разумѣется, всѣмъ была противна. Такъ многіе смотрятъ на земную кору, равнодушно попирая сокровища; но знающій ея свойства открываетъ въ ея нѣдрахъ златоносную жилу. Карамзинъ писалъ давно, и написалъ чрезвычайно много; въ собственныхъ произведеніяхъ онъ могъ видѣть различіе и въ языкѣ, и въ слогѣ; обладая свѣтлымъ умомъ, не могъ не видѣть поразительной особенности древняго языка, въ духъ котораго онъ погружается необходимо, какъ историкъ; при очищенномъ вкусѣ, ни какъ не могъ не удивляться сильнымъ и прекраснымъ выраженіямъ древности, въ доказательство можно указать на особенный шрифтъ въ его Исторіи; и какъ кстати наводили его на это современныя обстоятельства: объ этомъ предметѣ спорили, и спорили съ ожесточеннымъ увлеченіемъ; въ этомъ спорѣ онъ почти главное страждущее лице; далѣе, онъ былъ въ высокой степени безпристрастенъ, потому находилъ въ нападеніяхъ много справедливаго; съ бо̀льшимъ вниманіемъ сталъ прислушиваться къ языку мертвыхъ Лѣтописей, и здѣсь ему сильно помогло чуткое русское ухо! Но тутъ новый подвигъ, опасный шагъ, одна ошибка, и все

погибло. Эта рѣчь не могла показаться въ древнемъ, первобытномъ своемъ видѣ; иначе будетъ предметомъ посмѣянія, нисколько не будетъ разниться отъ Татищевой, даже Щербатовой, которыхъ и укорять нельзя, ибо они и цѣли этой не имѣли, и требованія были не тѣ; здѣсь совершенно другое: прадѣдовская стопа подымается за здравіе, и горе, если сведутъ на упокой! Какъ же онъ соединитъ двѣ отдаленнѣйшія оконечности? Кто ему поможетъ изъ двухъ началъ, разрозненныхъ и не согласныхъ, древняго и новаго, произвести нѣчто гармоническое, совершенное? Тутъ не вольно приходятъ на мысль тѣ сужденія, которыя отдаютъ все событію, и ничего человѣку, для которыхъ нѣтъ великихъ людей; обстоятельства вызвали и Цезаря, и Суворова, и Наполеона: нѣтъ, не Цезаря, они вызывали силу, которой и поручали всю свою судьбу. Если эта сила постигла смыслъ явленія, разгадала таинственный вопросъ событія, тогда она выше всей его громады: великіе люди существовали, и Карамзинъ былъ одинъ изъ великихъ людей. Можно было соединить древнее съ новымъ, но уразумѣніе этой возможности было тайною, которая лежитъ въ творческой силѣ таланта. Карамзинъ ее высказалъ, стало, онъ великій талантъ! Новый языкъ вышелъ изъ того же источника, изъ котораго явилась на свѣтъ музыка Русскаго стиха, вызванная Ломоносовымъ, изъ собственной своей природы!

И такъ, возьмемъ первый историческій нашъ памятникъ, подобнаго которому на своемъ языкѣ не имѣло ни одно Европейское государство, исключая Грецію, отчасти сѣверныя саги; прислушаемся къ благозвучнымъ словамъ благочестиваго инока доносящимся до насъ изъ дали вѣковъ:

«Въ сеже лѣто преставися Янъ, старецъ добръ, живъ лѣтъ девяносто въ старости маститой, по закону Божію, не хуже первыхъ праведникъ, у него же и азъ многая словеса слышахъ, яже и вписахъ въ лѣтописаньи самъ: бѣ бо мужъ благъ и кротокъ, отгребаяся отъ всякой вещи и есть гробъ его въ монастырѣ Печерскомъ въ притворѣ, идѣ же лежитъ тѣло его положено.» Читали этотъ драгоцѣнный памятникъ XI-го столѣтія и Татищевъ, и Щербатовъ, и даже Ломоносовъ, и ничего изъ него не вынесли; а Карамзинъ открылъ въ нихъ какую то силу, благозвучіе; вынулъ изъ этихъ ветхихъ образовъ душу, понялъ характеръ этого первобытнаго языка, далъ ему новыя формы,

еще прежде открытія Ломоносовымъ; слѣдовательно, довершилъ подвигъ послѣдняго, и убѣдилъ насъ краснорѣчивымъ примѣромъ, что основный характеръ Русскаго духа и въ XIX столѣтіи точно такой, какимъ былъ въ XI; все различіе состоитъ въ развитіи, предѣлы котораго теряются въ самой отдаленной возможности.

И такъ, начавши съ слабыхъ опытовъ въ Словесности, онъ представляетъ образцовый слогъ, музыкальный складъ, приноситъ его въ даръ обществу; все остальное время существуетъ въ другой, прошедшей жизни и, возвратившись изъ далекаго путешествія, изъ невидимаго міра, возвратилъ новому поколѣнію чистый и богатый Русскій языкъ. Ожесточенная вражда прекратилась: тотъ, который внималъ ей издали, не возражалъ, безмолвствовалъ, дѣйствовалъ, явился внезапно среди нихъ съ вѣтвію мира и съ такимъ даромъ, которому нѣтъ цѣны! Если это состояніе можно сравнить съ плаваніемъ Ковчега, а въ разсужденіи языка, мы дѣйствительно плавали, не ходили по твердой землѣ, то не дерзаю сравнивать достойныхъ предшественниковъ съ первыми послами, но Карамзинъ рѣшительно походитъ на голубицу. Тогда навсегда рѣшился такъ долго продолжавшійся споръ, и мы, путемъ безчисленныхъ ошибокъ, изъ живаго, собственнаго опыта, вынесли великую истину, сами пришли къ философскому воззрѣнію на языкъ: истое подобіе человѣческаго духа, незримое тѣло его, онъ растетъ и развивается изъ собственной своей природы, и послушный генію, найдетъ въ самомъ себѣ средства явиться такъ или иначе, для выраженія вѣка, господствующаго духа и характера; открытіемъ древняго языка Карамзинъ доказалъ первую мысль, преобразованіемъ вторую. Въ Исторіи Государства Россійскаго отечественное слово раскрылось во всей свободѣ, правильности и величіи: оно есть особенный видъ языка въ смыслѣ народномъ, самое полное проявленіе извѣстнаго мгновенія нашей духовной жизни, народная слава наша. Кромѣ того, этотъ языкъ выражаетъ вполнѣ духовную природу самаго писателя, можетъ стоять въ параллели съ извѣстнымъ стилемъ великихъ художниковъ. Говоря о живописи Римской школы, мы разумѣемъ того генія, который создалъ извѣстнаго рода идеалъ, отличимъ его множествомъ особенностей, приведенныхъ въ гармонію цѣлаго. Языкъ Данта былъ языкомъ Италіи, которая его понимаетъ и

теперь, до изступленія любитъ, но говоритъ и пишетъ Италія совсѣмъ не такъ; а потому и языкъ Карамзина, какъ совершенство особеннаго мгновенія жизни, останется неподражаемымъ: ибо никто не являлся двухъ разъ въ томъ же самомъ возрастѣ. Подражаніе наружное обратится въ жалкую пародію, какъ бы въ доказательство сказаннаго. Можно черпать изъ этого обильнаго источника, но только такъ, какъ призванный художникъ поступаетъ съ картинами природы, преобразуя ихъ въ идеалы. Съ такою независимою свободою дѣйствовалъ творческій талантъ Пушкина, который благоговѣлъ передъ красотами исторіи, а это значитъ, глубоко постигалъ ихъ; собралъ съ нихъ чистѣйшій, благоухающій сотъ и посвятилъ памяти Карамзина одно изъ лучшихъ созданій, геніемъ его вдохновенное.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I. Литература наша въ началѣ XIII в. выразила уже основныя черты духовной жизни и подавала свѣтлыя надежды на будущее.

II. Слово о полку Игоря есть Поэма Лирическая; она стоитъ несравненно ниже Эпопей Западныхъ въ разсужденіи художества, но выше многихъ по независимости вдохновенія и самобытности характера.

III. Ни какое литературное явленіе новаго періода не можетъ быть объяснено удовлетворительно, если не будетъ рѣшенъ вопросъ объ участіи чуждаго вліянія на нашу Словесность.

IV. Карамзинъ не пошелъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, проложилъ себѣ новый путь и сблизилъ общество съ Литературою.

V. Вліяніе Кіевскихъ писателей, иноземныя слова, подражаніе Французамъ постепенно искажали нашъ языкъ и произвели въ немъ разногласіе.

VI. Ломоносовъ постигъ геній нашего языка, силу и богатство, но, подчинившись вліянію Латинскаго, рѣзко отдѣлилъ письменный языкъ отъ общеупотребительнаго.

VII. Представивъ образецъ легкаго слога, Карамзинъ изучилъ языкъ Лѣтописей, открылъ въ немъ природныя, неповрежденныя свойства и образовалъ по духу его современный изящный языкъ.

VIII. Не должно винить Карамзина за недостатокъ философскаго воззрѣнія на Исторію.

IX. Достоинства Исторіи и недостатки проистекаютъ изъ собственныхъ его требованій, выраженныхъ опредѣленно и ясно.

X. Сдруживъ общество съ Литературою, Карамзинъ произвелъ въ ней великое преобразованіе Исторіей Государства Россійскаго, которая протестовала противъ подражанія, противъ него самого и положила прочное основаніе народной Словесности.

ОПЕЧАТКИ.

стран.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
5.	христіанскихъ,	христіанскихъ
6.	соприкосновеніе.	соприкосновеніе,
7.	женщины Римскія,	женщины Греческія, Римскія,
10.	изрѣченіе	изреченіе
—	изъ природы	изъ природы.
—	ни единаго	ни единаго.
—	токмно	токмо
11	отъ природы, и былъ	отъ природы, и потому, что былъ
13	поставишъ	поставишь
16	Зевеса,	Зевеса
18	самаго	самого
19	обработки.	обработки,
22	завѣщая имъ	завѣщая имъ:
24	стекались	стекались
—	природного	природнаго
25	противоядіе	противоядіе
26	въ эполеѣ	въ эпопеѣ
—	въ Летературѣ	въ Литературѣ
—	губерніи	губерніи,
—	который	который,
27	тогдашемъ	тогдашнемъ
28	западныхъ	западныхъ
—	внимаетъ	вниманіемъ
29	впизъ	внизъ
33	молодый	молодой
39	Вѣча;	Вѣча?
44	раздобрать	разобрать
—	остановился	остановился
45	не неизмѣримой	на неизмѣримой
—	предшественникавъ	предшественниковъ
47	Вяряги	Варяги
48	Unmittelbare	Unmittelbare,
50	занимательна.	занимательна,
—	цѣлыя томы	цѣлые томы
51	ни какъ	никакъ
52	исторіи	исторіи
53	неправильнаго	неправильнаго
54	образилъ	обратилъ
56	обратится	обратиться
—	фазіономіею	физіономіею
63	на которой	на который
73	долженствуетъ	долженствуемъ
76	мнѣпіе	мнѣніе
77	Россіи	Россіи
—	Ф. Визинъ.	Ф. Визинъ,
—	теперь и	теперь, и
—	словамъ	словомъ
80	инока	инока,
—	въ лѣтописаньи самъ	въ лѣтописаньи семъ
81	отличимъ	отличилъ

2007056770